

Пирмин Майер

**ПАРАЦЕЛЬС -
ВРАЧ
И ПРОВИДЕЦ**

Традиция, религия, культура

Пирмин Майер

**Парацельс – врач и
провидец. Размышления о
Теофрасте фон Гогенгейме**

«ИП Карелин»

1993

Майер П.

Парацельс – врач и провидец. Размышления о Теофрасте фон Гогенгейме / П. Майер — «ИП Карелин», 1993 — (Традиция, религия, культура)

Эта книга посвящена Парацельсу – одной из самых знаменитых и таинственных личностей европейского Возрождения. Благодаря живому и увлекательному повествованию создается яркий и целостный образ выдающегося человека. Книга Пирмина Майера открывает Парацельса не только как известного врача, но и знакомит с интересными моментами его биографии, с философскими и религиозными воззрениями, представляет его как психолога, алхимика и прорицателя, а также прослеживает влияние Парацельса на европейскую культуру вплоть до XX века. Автор книги – специалист по немецкой и швейцарской истории и философии, автор многих публикаций.

Содержание

Введение	5
Часть I	10
Глава I	10
Глава II	23
Глава III	33
Лечение дождевыми червями	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пирмин Майер

Парацельс – врач и провидец.

Размышления о Теофрасте фон Гогенгейме

Юргу Федеритиллю посвящается

Введение

Гнев горлинки, или Из жизни одного спорщика

Выдающийся человек после своей смерти становится всеобщим достоянием, тогда как при жизни окружающие часто лишь презрительно отмахиваются от него. Горожанин Страсбурга, известный сегодня под именем доктора Парацельса, чей ослепительный образ занял прочное место в солидных справочниках о знаменитых немцах, швейцарцах и австрийцах, и ставший предметом гордости и восхищения многих авторов, в некоторых своих принципиальных проявлениях предстает перед нами как дитя итальянской системы ренессансного образования, являет собой яркий образчик европейца эпохи Возрождения, словно сошедшего со страниц красочного альбома.

В политическом отношении он, несмотря на своеобразие своей личности, может скорее служить примером противоречивости швейцарской свободы. Человек, девизом которого было: «Я не должен принадлежать никому, кроме самого себя», закончил свою жизнь крепостным аббата в Айнзидельне. Языком, на котором он говорил и который даже пытался ввести в научное обращение, был грубоватый сельский вариант раннего нововерхненемецкого языка, распространенный в простонародной среде. По этой причине его не без иронии называли «Лютером в медицине». В его высказываниях о Германии и немцах, в отличие от похожих заявлений современников Парацельса Ульриха фон Гуттена и Мартина Лютера, не следует искать национальный или религиозный подтекст. Они были выкованы на наковальне сурового жизненного опыта, следовали из того, что он сам называл «опытностью». Когда речь заходила о его коллегах из Германии, он, не стесняясь, говорил о «немецких ослах», «немецких дураках» и о «докторе Пердуне».

В архивах Австрии, где он провел часть своей юности, а позже несколько лет занимался практикой, хранятся две записи о его внезапных исчезновениях, которые, судя по характеру текста, в обоих случаях больше походили на бегство. Краткая заметка о том, как он во второй раз покинул Австрию, является последним достоверным свидетельством о его жизни. Спешно составленный протокол, помеченный 1526 годом, сообщает, что он уехал из Зальцбурга, охваченного пламенем крестьянской войны, и 24 сентября 1541 года приказал долго жить. Это случилось через три дня после составления завещания, в котором было описано его имущество – наследство человека, который провел нелегкую жизнь, изобиловавшую разного рода трудностями. Его смерть породила множество легенд, ведь судебно-медицинское освидетельствование не было в то время обычной практикой. О том, что этот человек уже очень скоро займет достойное место среди наиболее выдающихся представителей науки в шекспировской Англии, в день его похорон даже не догадывались. И уж никто не смел подумать о том, что бездомный нищий из Айнзидельна и Виллаха войдет в альманах восточной науки под именем «Баракальсуса, основателя новой химической медицины»¹.

¹ Kolta, Kamal Sabri: Paracelsus im Urteil des osmanischen Oberhofarztes Salih b. Nasrallah b. Sallum, in: Goerke, H. u. Terzioglu, A.: Die medizinischen Beziehungen zwischen Deutschland und der Türkei, Verhandlungen des am 18. und 19. Oktober 1976 in Istanbul

О его жизни, едва заметной в полумраке слухов, легенд и опалы и до неузнаваемости высветленной лучами посмертной славы, нет практически никаких достоверных сведений. Едва ли можно с уверенностью определить, какой из многочисленных вариантов его подписей действительно подлинный. Весьма вероятно, что мы до сих пор вообще не обнаружили ни одного оригинала. Очень часто хронологически выверенный жизненный путь какого-либо человека, состоящий из постоянных перемещений, которые на первый взгляд кажутся взаимосвязанными друг с другом, легко поддается описанию. Однако лучшие знатоки соответствующих текстов, такие как, например, Ганс Хузер в конце XVI века, Карл Зюдхофф и Курт Гольдаммер в XX столетии, были вынуждены отказаться от намерения составить связную биографию Парацельса. В отличие от обилия сведений о Лютере или Гете, которые имеются в нашем распоряжении, свидетельств о жизни всемирно известного Парацельса, чье имя громким эхом отозвалось в истории науки, сохранилось ничтожно мало. Даже если мы попробуем опереться на биографии, написанные на основе документального материала, это нам вряд ли поможет. Известную сложность представляет собой и интерпретация оригинальных источников, поскольку многие произведения Парацельса вызывают затруднения даже у специалистов. При этом именно эти источники чаще всего используются в качестве несущих конструкций при составлении биографии, в которой все элементы связываются между собой в соответствии с надежно обоснованными сценариями. Тем не менее, его образ в истории, истории науки, сказаниях и литературе нарисован весьма своеобразно. В этом смысле можно говорить о феномене Парацельса.

Принимая во внимание состояние источников, можно с уверенностью сказать, что обычная биографическая схема оказывается явно недостаточной для полного изображения этого феномена. Более удачными в этом смысле можно считать яркие скетчи, например рассказ Роберта Генри Блазера о пребывании Гогенгейма в Базеле.² При этом обнаруживается, что эта загадочная личность скорее раскрывается перед нашим сознанием, когда она включена в историческую действительность города и окружена живыми людьми, с которыми жила и общалась. Между тем составление биографии Парацельса по-прежнему остается благим намерением, к которому намертво пристала «воздвигнутая на радуге» картина из мистического наследия средневековья, символизирующая человеческое существование вообще. В этом смысле «реконструкция» радуги, распростершейся 28 октября 1531 года над Санкт-Галленом и Боденским озером, может помочь нам примерно определить границы и возможности исследования жизненного пути Теофраста фон Гогенгейма.

Нашу попытку реконструировать духовно-историческую биографию Гогенгейма на основе имеющихся у нас сведений о пребывании знаменитого медика в Санкт-Галлене и генеральных линий его работ предваряет краткий очерк его жизненного пути, составленный большей частью из обрывочных сведений о Парацельсе. Лапидарность этого жизнеописания в определенной мере компенсируется достоверностью и надежностью предложенной в нем информации.

Сын деклассированного представителя мелкопоместного швабского дворянства, имевшего медицинское образование, и простой швейцарской женщины появился на свет в 1483 или 1484 году в Эгге на земле, принадлежавшей бенедиктинскому монастырю Айнзидельна, который располагался на территории современного кантона Швиц. Не позднее 1502 года его отец Вильгельм фон Гогенгейм вместе со своим единственным сыном переселился в Каринтию, в город Виллах. По всей вероятности, мальчик получил хорошее образование. К сожалению, у нас нет достоверных сведений, которые могли бы раскрыть подробности интеллектуального становления молодого Гогенгейма. Это обстоятельство представляется весьма необычным для

abgehaltenen Symposiums, München 1978, S. 103.

² Blaser, Robert-Henri: Paracelsus in Basel, Muttentz/Basel 1997.

эпохи расцвета гуманистической культуры. Существуют надежные свидетельства, указывающие на то, что после нескольких лет странствий Гогенгейм защитил докторскую диссертацию под сводами университета в Ферраре (около 1515 года или немного позднее). Затем в должности военного хирурга он успешно применял свое врачебное искусство на полях сражений в Верхней Италии и Нидерландах, лечил раненых при осаде Стокгольма, прибыв под стены города в свите датского короля Кристина II. До 1524 года он, по-видимому, успел предпринять продолжительное путешествие, подробностями которого мы не располагаем. Известно, что он проехал Литву, Польшу, нанес визит иоаннитам на Родосе, побывал в Валахии и Словении, посетил Францию, Испанию и Португалию.

В 1524 году он приехал в Зальцбург, где планировал остаться надолго. Однако уже менее чем через два года мы встречаем его на территории Южной Германии, в Баден-Бадене, недалеко от Фрайбурга, куда он приехал по приглашению заболевшей аббатисы Анны Блетц фон Роттвайл, и в Страсбурге, где он в декабре 1526 года купил право бюргера и стал своим человеком в реформистски настроенных кругах страсбургского общества. Однако ожесточенный спор с неким Венделином Хоком, имевший негативные последствия, и успешно завершившееся лечение известного базельского издателя Иоганна Фробена побудили его уже в 1527 году переехать в Базель. Здесь он подвизался в качестве экстраординарного профессора в основанном в 1460 году университете, хотя в юридических актах это и не зафиксировано. В документах его называют городским врачом. Эта должность была единственным «прочным рабочим местом» в его жизни, которое он занимал в течение 10 месяцев.

Во время своего пребывания в Базеле он в присутствии таких известных гуманистов, как Иоганн Хербстер, Бонифаций и Василий Амербахи, читал лекции по медицине на немецком языке, что очень ценилось на всем географическом пространстве Верхней Германии. Эти доклады не случайно зачитывались во время каникул. Они во многом означали объявление войны господствующей тогда схоластической медицине, которая опиралась на систему римского врача Галена из Пергамона. Вследствие того что эта система придавала большое значение учению о четырех жидкостях – крови, слизи, желтой желчи и черной желчи, – она была названа гуморальной патологией. Догматике этого учения Теофраст фон Гогенгейм противопоставил не обычные «современные» методы лечения, а основанную на опыте и одновременно интеллектуально-духовную целостную медицину. Последняя, учитывая общепринятые точки зрения, частично опиралась на древнюю народную медицину, магические и алхимические традиции, а также придавала большое значение целительной силе природы, символов (сигнатур), внутренней силе души и вере. При этом на первый план выдвигался натурфилософский и одновременно медицинский подход к проблеме, которая рассматривалась с точки зрения трех принципов – соли, серы и ртути.

В Базеле помимо преподавательской деятельности он взялся за исправление плачевной ситуации в местных аптеках. Проверая деятельность аптекарей, контролируя правильность выписки рецептов, устраивая визитации, регулируя таксы и проценты в обоюдной прибыли врачей и аптекарей, он пытался устранить недостатки в работе базельских аптек. Среди его знаменитых пациентов кроме Фробена были известнейший гуманист эпохи Эразм Роттердамский, а позже настоятель собора Корнелиус фон Лихтенфельс, Корнелиус фон Лихтенфельс. Между тем зыбкость положения Гогенгейма как преподавателя усугубилась судебной тяжбой с Лихтенфельсом по поводу гонорара за лечение. Все это привело его к преждевременному и опростметчивому решению покинуть Базель.

Неурядицы в Базеле, а также неудачная попытка опубликовать свои медицинские сочинения в Нюрнберге (1530) были для Гогенгейма, человека, намеревавшегося реформировать медицинскую науку, настоящим ударом. При этом представляется исторически неверным рассматривать научные споры Парацельса (гуманистический псевдоним Гогенгейма, взятый им в 1529 году) с его оппонентами исключительно как борьбу света и добра с силами тьмы. В

бурных спорах, которые в зависимости от ситуации могли закончиться сожжением книг брызжущего слюной визави, в ожесточенной даже по представлениям того беспокойного и грубого времени полемике, вызывающей к жизни образ современника Парацельса Михаила Колхаса и связанной с трепетным отношением к получению и сохранению прав, отразился дух эпохи со всеми его важными сторонами, пристрастиями и возможностями. Следуя традиции, заложенной Гиппократом, Гогенгейм видел во врачебной деятельности в большей мере искусство, чем науку, притом самое высокое и благородное, которому, однако, угрожает опасность возможных злоупотреблений со стороны людей. Лейб-медики и врачи, по мнению Парацельса, придерживались устаревшей догматики, все больше прилепляясь к деньгам, чем служа искусству. «Самая кроткая горlinkка воскипит гневом, слушая их непотребные рассуждения» (XI, 153), – заявил он в своей шестой апологетической речи в Каринтии, «чтобы оправдать свое удивление и возмущение» (XI, 152). Гнев горlinkки может служить символом жизни, полной непрестанной борьбы и одновременно целительной нежности, проросшей из семени жертвенной любви.

До посещения Базеля и в постбазельский период Парацельс вел преимущественно странствующий образ жизни. Это был типичный бродяга XVI века, который в поиске философского алхимического камня и тайного эзотерического знания, в желании овладеть целительными силами природы был вынужден «истреблять шляпы и ботинки» (XI, 145), как голодающий старатель из фильма Чарли Чаплина «Золотая лихорадка». Второй кульминационный период в жизни и творчестве Парацельса приходится на время его непродолжительного пребывания в Санкт-Галлене, маленьком городке на востоке Швейцарии, где благодаря широко развернувшемуся текстильному производству стремительно развивались экономика и образование. Никогда еще врачебное призвание и непреодолимое стремление Гогенгейма пророчествовать и вести за собой души людей не проявлялись так согласованно, как в те полные драматизма недели между появлением кометы, названной в честь Эдмунда Галлея, и сокрушительным поражением сторонников Ульриха Цвингли во Второй Каппельской войне 1531 года.

Примерно в эти годы вышло сочинение светского богослова Теофраста Парацельса, которое до сегодняшнего дня остается предметом исследований. 1530-е годы были временем, когда слава Парацельса как мага и предсказателя достигла своего апогея. Многие высказанные им мысли пережили своего автора и во многом повлияли на модные эзотерические течения последующих эпох. В сочинениях Парацельса, из которых на сегодняшний день издано около 10 000 страниц, читателю открывается своеобразная смесь из медицины, космологии, психопатологии, магических воззрений и политической критики, представленная в виде захватывающей системы знаков и символов. При этом многие естественнонаучные наблюдения знаменитого медика необходимо заново пересмотреть в ближайшем будущем, но уже в более сдержанной манере и с учетом их этической составляющей.³

После вновь неудавшейся попытки опубликовать некоторые из своих главных сочинений в Каринтии Парацельс испытывал разочарование за разочарованием, которые длинным шлейфом тянулись за ним в течение всех последних лет его жизни. Об этом красноречиво свидетельствует вторая работа гравера А. Х. 1540 года. Смерть, настигшая его в Зальцбурге, нашла там страдающего эмпирика, который, странствуя по лабиринту врачебных проб и ошибок, перенес целую часть света на географическую карту Утопии.

Так называемый чистый результат Парацельса надо рассматривать только в непосредственном соприкосновении с его наследием. Меткие наблюдения и апробация новых методов, например использование ртути при поиске воды или улучшение пищеварения с помощью минеральных источников (Санкт-Мориц, Егер), учение о коагуляции и образовании камней

³ Benn, Gottfried: Goethe und die Naturwissenschaften, in: Ders., Gesammelte Werke in acht Bänden, Bd. 3, Wiesbaden 1968, S. 725. Бенн называет естественнонаучные сочинения Гете «не просто творением, но целым наследством». Эти же слова можно отнести и к творчеству Гогенгейма.

(Тартарус), о сифилисе и эпилепсии, а также его вклад в хирургию в некоторых своих моментах весьма впечатляют. Применение химико-металлических медицинских препаратов в лондонской фармакопее в 1618 году началось благодаря усилиям английского парацельсиста и стало своего рода запоздалым триумфом Гогенгейма. Его лекции о язвенных болезнях предоставляют нам возможность с удвоенным вниманием заглянуть в бездну человеческих страданий. Истолкованный соответствующим образом пассаж из книги «О невидимых болезнях», которая написана в Санкт-галленский период, позволяет заключить, что все эти бедствия, так же как и пугающие примеры психических заболеваний, побуждают даже верующего человека сомневаться в разумности мироздания.⁴

Теофраст фон Гогенгейм, всегда решительный и бескомпромиссный в вопросах религии и медицины, был в то же время весьма скептически настроенным ученым. Поэтому и творческое наследие, и вся жизнь этого человека скрывают в себе множество удивительных загадок. Яркие проблески гогенгеймовского духа не только открывают перед любознательным исследователем научные глубины творчества Парацельса, но и подчас наполняют его уникальным гуманистическим содержанием.

⁴ Vgl. Kap. Para-Psychiatrie oder von den unsichtbaren Päpsten, S. 180.

Часть I

Огненный дух соли из Санкт-Галлена

Глава I

Радуга на восходе солнца

*Представь, что его окровавленная спина
Уподобилась небу.
После того как небесные воды
Смыли наши грехи,
Над землей простерлась сияющая радуга,
Которая стала знаком Божией милости к
человеку.*

Иоганн Себастьян Бах. «Страсти по Иоанну»

Нежная бархатистость октября, разлитая в воздухе Швейцарии, резко диссонировала с общим подавленным настроением, которое осенью 1531 года царило в протестантских кантонах немецкой части Швейцарского союза. 11 октября солнце навсегда померкло для Ульриха Цвингли, теократического предводителя протестантских общин. Знаменитый цюрихский реформатор и борец за общее дело христианской республики был обвинен в измене родине, четвертован и сожжен как еретик в местечке Массакер недалеко от Каппеля (KS, 376). 600 человек из его окружения, среди которых было немало вдохновенных проповедников, остались лежать мертвыми на крепостных валах. Спустя две недели, во вторник 24 октября, города, связанные с Цюрихом союзными соглашениями, потерпели сокрушительное поражение в битве при Губеле на земле кантона Цуг, потеряв 800 человек убитыми. В это же время в Базеле в смертельную борьбу за собственную жизнь вступил знаменитый церковный и общественный деятель Иоганн Околампад. Он не принимал участия во внутренних войнах, не слышал звона оружия и не видел ожесточенных лиц воинов католических кантонов, размахивавших оружием и сеявших смерть на своем пути. Враг, причинявший Околампаду невероятные мучения и стремившийся погубить его, имел совсем иную природу. Проповедника мучила «пожирательная человека болезнь, которую обычно называют раком» (KS, 384). В описываемое время у больного уже начались метастазы, проникшие в голову и все шире распространявшиеся в области спины.

Искусный городской врач, фогт и реформатор Санкт-Галлена, ученый и почитаемый доктор Иоахим фон Ватт, известный под именем Вадияна, также переживал не самый легкий период в своей жизни. Его страдания были вызваны двумя причинами. С одной стороны, предпринятые им попытки затормозить развитие военного конфликта только способствовали скорейшему поражению его собственного лагеря. С другой – здоровье врача, глубоко переживавшего за судьбу страны, в это время заметно ухудшилось и вызывало серьезные опасения. Еще недавно энергичный и жизнерадостный, Вадиян чувствовал себя больным и разбитым. В минуты отчаяния он, думая об участи родного города, горестно восклицал: «О, благочестивая община Санкт-Галлена! Что тебя ожидает?!» (KS, 372). Под угрозой находился труд всей его жизни. Вадиян не переставал спрашивать себя, сколько еще времени пройдет до тех пор, пока аббат, изгнанный из Санкт-Галлена, не вернется с триумфом в старую княжескую резиденцию? Это был вопрос нескольких месяцев, а возможно, и нескольких недель.

На заре Нового времени Санкт-Галлен являлся крупным ремесленным и торговым центром. В городе не было единоличного правителя. Республиканская система с ежегодно сменяющимися бургомистром, унтербургомистром, советом и главами цехов, которые участвовали в управлении, по своей природе не предполагала наличия властной вертикали, на вершине которой находился бы безусловный лидер, обладающий неограниченными полномочиями. Такой тип правления имел свои преимущества, которые особенно явно проявились в это время, когда многие горожане, принадлежавшие к лучшим семействам и составлявшие верхушку городского магистрата, погибли, в том числе и бургомистр 1530 года Кунрад Майер. Ханс Штудер, правящий бургомистр, в прежние годы служивший солдатом в армии французского короля, уже несколько месяцев был прикован к постели смертельной болезнью. Он не выходил из своего дома, находившегося на монастырской территории неподалеку от бывшей братской больницы. Вопреки настойчивым просьбам окружающих, бургомистр не стал обращаться к Вадриану, который в это время предпочитал препоручать своих пациентов, страдавших от тяжелых и безнадежных болезней, другим медикам. Нередко это были врачи из Констанца или Фельдкирхе. Нежелание Штудера иметь дело с Вадрианом объяснялось их недостаточным доверием друг к другу. Два других врача, известных в городе, Бишвайлер и Каспар Бризиг⁵, не были настолько опытными, чтобы осмелиться лечить самого бургомистра. Остальные цирюльники и лекари, жившие в Санкт-Галлене и его окрестностях, не могли и мечтать о том, чтобы приблизиться к постели высокопоставленного больного. Между тем потребность бургомистра в личном лейб-медике возрастала, поскольку в некоторых городских кварталах были замечены случаи заболевания людей чумой (KS, 370).

Свою последнюю надежду 73-летний бургомистр возлагал на чудодейственное лекарство одного странного доктора, принадлежавшего к кругу знакомых его зятя – Бартоломе Шовингера. Последний в часы досуга увлекался алхимией и гуманитарными науками, а в описываемое время готовился возглавить торговое предприятие, имевшее свои представительства в разных странах. Шовингер представлял собой блестящую партию для дочери бургомистра Елены, которая, выйдя замуж за перспективного предпринимателя, могла уже более не думать о завтрашнем дне. Ее почтенный супруг любил и уважал своего тестя, в любой момент был готов помочь ему словом и делом и особенно ценил богатство и социальное положение старика. Лелея в глубине души мысли о наследстве, он, тем не менее, старался не надоедать Штудеру разговорами о завещании. Приглашенный к одру больного врач был невысоким хрупким человеком. На вид ему было около 40 лет. Рахитичное тельце доктора венчала огромная голова, а его сгорбленная фигура усугубляла и без того удручающее и жалкое впечатление, которое он производил. Он больше походил на мелкого воришку, чем на доктора обоих видов медицины, получившего степень в Италии, и специалиста в области терапии (учения о внутренних болезнях) и хирургии. Доморожденные лекари были озлоблены против него и мечтали запутать его в тенетах судебных разбирательств, а Вадриан старался просто не замечать его. Городская молва, которая дошла до нас в более позднем пересказе хронистов Иоганна Кесслера и Иоганна Рютинера, составлявших окружение знаменитого городского врача Санкт-Галлена, отзывалась о нем как о странном и необычном человеке, относя все связанное с ним к разряду курьезов. Кем же был этот загадочный доктор на самом деле?

При жизни его чаще всего называли доктором Теофрастом, хотя в различных записях он фигурирует и как Теофраст фон Гогенгейм (KS, 360). Что касается самого прозвища Парацельс, то оно в санкт-галленских источниках вообще не упоминается вплоть до 1537 года. Те же источники ничего не знают о полном имени знаменитого швейцарского доктора, которое встречается в его более поздних биографиях, и в частности в версии цюрихского врача доктора Ганса Лохера, датированной 1851 годом: «Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст Парацельс фон

⁵ Staerke, Paul: Beiträge zur spätmittelalterlichen Bildungsgeschichte St. Gallens, St. Gallen 1939, S. 133 (nach Rütiners Diarium).

Гогенгейм, Лютер медицины и наш величайший швейцарский врач»⁶. И все же имя Парацельс начиная с 1529 года появляется в нюрнбергской «Практике о грядущих событиях в Европе», а с 1531 года и в швейцарских печатных изданиях.

Для врача, не имевшего частной практики, неудавшегося университетского преподавателя, исследователя, писателя и автора нескольких книг, посвященных специальным вопросам, приглашение к постели состоятельного больного, уже не имевшего надежды на полное выздоровление, было редкой удачей. Обычно личный врач получал отдельное помещение и в продолжение всей службы жил на средства своего пациента. Гогенгейм прожил в доме Кристоффеля, или Кристиана Штудера, 27 недель. Это был едва ли не самый длительный период пребывания Парацельса на одном месте. Для «неисправимого бродяги» (ХП, 268), как называет себя ученый в «Великой астрономии», такая усидчивость не была характерной. Возможно, здесь Парацельс впервые испытал на себе чарующее воздействие уютной домашней атмосферы, созданной рачительным попечением супруги бургомистра, Елены Штудер. Вместо опостылевшего молочного супа на обеденном столе с завидной частотой появлялись блюда с ароматно дымящейся куропаткой или другой жареной дичью, ожидавшие, когда их оценят по достоинству. Сама бургомистрша, урожденная Цили, несмотря на свой почтенный возраст, слыла заботливой хозяйкой. В свои 64 года она была крепкой и сильной женщиной, которой с момента нашей встречи с ней предстояло прожить еще 20 лет.⁷ Записки о жизни Парацельса отнюдь не изобилуют упоминаниями о женщинах, которых судьба связала с нашим героем. То, что мы знаем имя и место проживания фрау Штудер, является скорее счастливым исключением, чем ординарным событием. Эта женщина, всегда остававшаяся на заднем плане, сыграла решающую роль и в карьере самого бургомистра. Богатство и политическое возвышение Штудера во многом связаны с его женитьбой на Елене, которая стала его третьей женой. Благодаря этому союзу имущество будущего бургомистра за короткое время увеличилось в пять раз и продолжало понемногу расти, после того как он основал в Нюрнберге вместе с Гансом Хойссом торговое общество (1511)⁸. Не менее успешно развивалась предпринимательская деятельность членов семьи Цили, активно занимавшихся торговлей шелком, шафраном и инжиром и имевших прочные деловые связи с Венецией. Именно благодаря финансовой помощи Цили, Якоб Цвингли, брат знаменитого реформатора, смог оплатить курс обучения в Вене, а Доминик Цили получить место проповедника в городской церкви святого Лоренцо, которая, будучи оплотом протестантизма в этой области, соперничала за сферы влияния с местным католическим монастырем.⁹ Упомянутый выше Цили из-за своей дружбы с баптистами просто не мог, как говорят в Восточной Швейцарии об идейных противниках, играть на одной сцене с Вадрианом. Впрочем, к Елене Штудер вряд ли можно применить парацельсистскую формулу «звезды-прародительницы» (ХП, 390). В бургомистерском доме она отвечала за материальную, хозяйственную часть жизни, которую остальные члены семьи часто даже не замечали. Ни сам бургомистр, ни его предприимчивый зять, ни домашний доктор по имени Гогенгейм не задумывались о том, что стояло за вкусной пищей, теплой постелью, чистотой и порядком и общей уютной домашней атмосферой.

⁶ Locher, Hans: Theophrastus Paracelsus Bombastus von Hohenheim, der Luther der Medizin und unser grösster Schweizerarzt, Zürich 1851, S. 18. Эта восторженная титулатура тесно связана с атмосферой, характерной для времени основания федерации (1848), и 500-летием со дня вступления Цюриха в Швейцарский союз. Юбилейная биография, написанная Лохером на хорошем историческом уровне, противостоит негативным оценкам личности и достижений Гогенгейма, которые высказывались многими швейцарскими врачами начиная с эпохи Просвещения.

⁷ Peyer, Hans Conrad: Leinwandgewerbe und Fernhandel der Stadt St. Gallen von den Anfängen bis 1520, Bd. II, St. Gallen 1960, S. 47, S. 82. Stadtarchiv St. Gallen: Steuerbücher 1490–1530. Persönliche Mitteilung von Viktor Schobinger.

⁸ Peyer, a.a.O., S. 52f.; Staerkle, S. 41, 45, 138 mit Verwendung von: W. Ehrenzeller: Geschichte der Familie Zili in St. Gallen, St. Gallen 1928.

⁹ Staerkle, a.a.O.

Гогенгейм у Кристиана и Елены Штудер. Каким образом Парацельс узнал о болезни бургомистра? Возможно, Шовингер сам навестил своего странного приятеля и пригласил его к одру больного. Мы также можем предположить, что, напротив, доктор посетил Шовингера в его опрятном домике, где все дышало сытостью и довольством. Вообразив двух друзей, коротающих время в дискуссиях об алхимии за бутылкой заморского вина или рейнвейна, мы можем впасть в искушение именно так представлять себе уровень и качество жизни в эпоху Ренессанса. Однако указания источников побуждают нас более трезво смотреть на повседневные реалии того времени. Как уверяют врачи, сведущие в виноделии, многие сорта вин, которые были распространены в Восточной Швейцарии, такие как, например, «Кельхаймер», производившийся в Баварии, вызывали после их употребления боли в желудке (XI, 95). Эту оценку не меняет даже стилизованная в духе гуманизма реклама Вадияна, который говорит о «хороших, свежих, здоровых винах, большей частью красных или, реже, более светлых тонов»¹⁰. Если верить свидетельствам современников, в 1529 году «вино было таким отвратительным, что его никто не мог пить, предварительно не поморщившись». Кроме того, что вино 1529 года обладало омерзительными вкусовыми качествами, оно еще вызывало желудочно-кишечные болезни (KS, 335). В Восточной Швейцарии это вино называли не иначе как «сохрани нас, Боже»¹¹. В 1530 году ситуация несколько улучшилась, однако вино все равно продолжало оставаться на редкость плохим.¹² Что же касается 1531 года, то к описываемому времени сбор урожая еще не был закончен.

Если же вкусовые недостатки вина восполнялись дорогими импортными деликатесами, возвышенная беседа между Шовингером и Гогенгеймом о состоянии научного знания вообще не могла иметь места. «Мой язык не пригоден для болтовни. Его назначение – работать, творить и обличать ложь» (II, 3, 168), – писал доктор немного позже. Маловероятно, что личный опыт Бартоломе Шовингера может опровергнуть приведенное выше высказывание. Даже если предположить, что наш странствующий доктор находил в состоятельном приятеле интересного и увлекательного собеседника, то последний вряд ли был способен сполна насладиться беседой своего визави. В более позднем своем письме Шовингер, говоря о госте, с горечью отмечает, что «с трудом понимает некоторые написанные им вещи, и именно это является причиной, почему его книги и врачебное искусство не принесут пользы последующим поколениям медиков»¹³.

Несмотря на все усилия, Гогенгейм не мог окончательно вылечить больного бургомистра. Престарелый отец города находился уже в том возрасте, когда, по словам самого врача, составившего тайный комментарий к 89 псалму, «мы лишаемся прежнего облика, у нас отнимаются ноги, ступни и разум, а все возможные болезни в одночасье сваливаются на нашу голову» (II, 4, 219). Важной частью лечения таких пациентов являются социальные компоненты, поведение супруги, членов семьи и домашней челяди, которые, как говорится в базельском комментарии к Гиппократу, должны составлять «единое сердце» с больным. Людям, которые «готовят ему еду», «ждут, поднимают и укладывают его», необходимо проникнуться теми же мыслями, чувствами и желаниями, что и у объекта их забот. В создании такой «сердечной» атмосферы вокруг постели больного принимают участие как сам пациент, так и его лечащий врач. Внимательное отношение к больному, милосердие и сочувствие входят в число наиболее важных обязанностей любого доктора. Там, где нет сердечного согласия и «домашние настроены враждебно по отношению к отцу семейства, – что остается делать врачу?» (IV, 498).

¹⁰ Rüschi, Ernst Gerhard: Vadian und der Thurgau, Thurgauische Beiträge zur vaterländischen Geschichte, Helt 121 (1983), S. 7.

¹¹ Kläui, Paul: Chronik Bezirk Hinwil, Zürich 1944, S. 111.

¹² Pfister, Christian: Klimahistorische Daten, 16. Jahrhundert, Computerausdruck, Bern 1990. S. 25.

¹³ Sudhoff, Karl: Paracelsus-Forschungen II, Frankfurt 1889, S. 144 (из собрания «химических» манускриптов Й. Исаака Фосса Лейденского университета).

Придерживаясь такого убеждения, Гогенгейм совершенствовал свое врачебное искусство и одновременно мог со спокойной совестью предаваться научным занятиям. Однако окружавшая его мирная обстановка не вполне соответствовала настроению чудаковатого доктора и мешала удовлетворять снедавшую его страсть к новым исследованиям и открытиям. Девизом Гогенгейма в это время стала максима, вошедшая в «Книжечку о нимфах»: «Как больной нуждается в докторе, так и вещам нужен философ» (XIV, 119). Однако, сидя за печкой, невозможно стать хорошим космографом или географом. «Разве не создает наглядное представление основу для зрения?.. – писал Гогенгейм. – Ловелас готов проделать целый путь для того, чтобы встретить красивую женщину, а что уж говорить о страстном любителе какого-либо искусства, стремящемся глубже познать его!.. Те, кто сидит за печкой, едят жареную индейку, а познающие искусство питаются молочным супом» (XI, 145).

Искусство никогда не бежит навстречу ищущему. Наоборот, его нужно искать, а найдя, стараться не упустить из виду (XI, 142). В этом смысле спокойная и размеренная жизнь у Кристиана Штудера не могла затянуть или увлечь того, кто сделал беспокойство принципом своего существования.

И все же многое говорит о том, что удобная кровать и регулярный стол сыграли не последнюю роль в появлении на свет сочинения «Парамирум» и в разработке труда «О невидимых болезнях», которые были написаны в период пребывания Гогенгейма в Санкт-Галлене. *Vita brevis, ars longa*.¹⁴ Это крылатое выражение не оставляет свободного времени тем, кто постоянно держит его в уме. Рютинер пишет: «Его усердие столь велико, что он спит крайне мало, даже не снимая одежды. Обутый в сапоги со шпорами, он дремлет в течение двух-трех часов, а затем снова хватается за перо»¹⁵.

Эта заметка, которая, по свидетельству автора, сделана неким магистром Симоном, очень примечательна, поскольку содержит информацию о том, что Гогенгейм нередко сам держал в руке перо. Обычно он диктовал свои книги слуге или ассистенту. Один из них, Иоганн Хербстер из Базеля, известный под прозвищем Опоринус, в воспоминаниях о Гогенгейме описал некоторые привычки своего учителя, во многом напоминающие те, о которых пишет и упомянутый выше Симон.¹⁶

Но вот первые лучи солнца возвестили о наступлении 28 октября, которое в 1531 году пришлось на субботу. В тех случаях, когда Гогенгейм проводил всю ночь под кровом своего гостеприимного хозяина, он уже с раннего утра был на ногах. Для кальвинистского населения Санкт-Галлена пять часов утра являлись временем утренней молитвы (KS, 385). Что же касается человека, готовящегося к отъезду, то в XVI столетии, как, впрочем, и несколько веков спустя, он начинал собираться в путь с первыми петухами. Мы не зря рассказываем об этом, поскольку описываемым субботним утром Гогенгейм готовился к отъезду. Один или с несколькими попутчиками, он выехал в направлении Боденского озера, где располагался монастырский комплекс, включавший в себя и небольшой порт, неподалеку от которого «стоял прелестный домик». Оттуда Гогенгейм намеревался отплыть в Констанц или Юберлинген.¹⁷ Несмотря на ностальгические воспоминания Гогенгейма, у нас нет достаточных сведений для подробного описания коттеджа Шовингера, удачно вписывавшегося в горный альпийский пейзаж. Можно лишь с достоверностью предположить, что он был построен не раньше 1546 года, а во владение к Шовингеру попал не раньше 1566 года.¹⁸ К сожалению, мы также не владеем хоть сколько-

¹⁴ Rütiner, Johannes: *Diarium*, I. Fol. 84a–84b (оригинал написан на латыни).

¹⁵ Domandl, Sepp (Hrsg.): *Paracelsus, Werk und Wirkung, Festgabe für Kurt Goldammer zum 60. Geburtstag*, Wien 1975, S. 391f.

¹⁶ Watt, Joachim von (Vadianus): *Deutsche Historische Schriften*, hrsg. von Ernst Götzinger, Bd. II, S. 443 (цит. по Rüschi E.G., Vadian und der Thurgau, S. 8).

¹⁷ Mitteilung von Viktor Schobinger. Vgl. Schobinger, Viktor: *Geschichte der Schowinger*, Zweites Heft, Die Münchner Schobinger im 16. Jahrh./Von der Schobingerschen Handelsgesellschaft, Wädenswil 1969, S. 54.

¹⁸ См. примечание 8.

нибудь надежными свидетельствами о контактах Гогенгейма с аптекарями, врачами и учителями Констанца. В то же время нам известно, что осенью 1531 года его сочинение о комете появилось на полках книготорговых лавок города (IX, 392).

Из сухопутных дорог любознательный путешественник мог выбрать либо имперскую дорогу на Констанц, тянущуюся вдоль живописного берега Боденского озера, либо равноценные пути на Арбон или Роршах. Везде, где бы Гогенгейм ни останавливался, он завязывал контакты с местными школярами. До нас дошли подробные описания таких встреч. В них Гогенгейм фигурирует под именами *небесного аптекаря* (XII, 189), *небесного учителя* (XII, 192), *Аполлона*, а также «учителя, которого Бог поставил в невидимой школе, устроенной на небесах» (XII, 190). Что эти поэтические прозвища означали в каждом конкретном случае, можно понять, только углубившись в контекст повествования, снабженного осторожными комментариями.

Когда рассвело, бодрящую утреннюю прохладу сменила изнуряющая дневная жара, которая уже несколько недель не выпускала из своих объятий эту часть швейцарской земли.¹⁹ Впрочем, погода как нельзя лучше гармонировала с унылой политической ситуацией, сложившейся после поражения протестантов в минувший вторник. Однако в описываемое время уже наметились первые признаки некоторых изменений. 28 октября по юлианскому календарю солнце над Боденским озером взошло в 6 часов 47 минут утра. На небе появились редкие облака, а знойный южный ветер уступил место легкому северо-восточному бризу. Рыбаков с Романских Альп и корабельщиков с лодочных пристаней Штаунена и Горна, членов кальвинистских общин, ютившихся по периметру Боденского озера, к которым относился и Арбон, эти климатические изменения удивили. Дальнейшие события заставили их изумиться еще больше.

Гогенгейм пишет, что утром «между шестью и восемью часами» через Боденское озеро с юга на север протянулась громадная радуга, которую очевидцы могли наблюдать в течение одного-двух часов (IX, 403). В это время суток радуга редко появляется на небе. Такой максимальной высоты она достигла только благодаря восходу солнца. Эта естественная взаимосвязь была хорошо известна Гогенгейму, однако в тот момент его мало занимало указанное обстоятельство. Гораздо важнее для него было то, что радуга указывала в ту сторону, откуда два месяца назад появилась ужасная комета. Это безымянное небесное тело было названо позже Галлеем по имени человека, рассчитавшего его периодичность. Вплоть до XX века появление этой кометы вызывало у людей панику, ужас и беспокойство.

Такое удивительное явление природы, как радуга, с незапамятных времен обросло в народе различными названиями и легендами. Например, в Швабии ее называют «небесным кольцом», которое таинственным образом забирает воду на небо. В Таиланде считают, что радуга «качает воду из моря»²⁰. В районе «немецкого моря» (VIII, 140), как Гогенгейм в одной из своих заметок называет Боденское озеро, радугу именовали «облачным дышлом», которое с давних пор указывало на перемену погоды. Эта примета «хорошей» (IX, 407) и «дождливой» (XIII, 206) погоды была хорошо известна Гогенгейму. Народные традиции консервативны, так что и спустя 450 лет после его смерти в Романских Альпах широко распространена поговорка:

Радуга над озером – утром солнце светит,
Над долиной радуга – утром дождик льет.²¹

¹⁹ Bächtold-Stäubli, Hanns: Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, Berlin und Leipzig 1936, Bd. 7, S. 587.

²⁰ Mitteilung von Max Tobler, Lehrer u. Historiker, Romanshorn. Под «долиной» имеется в виду ближайшая окрестность.

²¹ Zihlmann, Josef: Die Bergmännchen auf der Nagelfluh. Tages-Anzeiger v. 6. November 1985. Ders.: Volkserzählungen und Bräuche, Hitzkirch 1989, S. 135.

К тому времени, когда радуга величественно и изящно изогнулась над водными просторами Боденского озера, Гогенгейм по праву мог считаться одним из лучших экспертов своей эпохи в области метеорологии и был способен лучше, чем кто-либо другой, объяснить этот удивительный феномен. Однако мало кто знал об этом, поскольку труд ученого «О метеорах» при его жизни не был напечатан. Наблюдения и размышления Гогенгейма о погоде, относящиеся к описываемому периоду, сохранились в его знаменитых календарных текстах (с 1529 года). У него были две возможности: либо попытаться объяснить небесные явления «естественным образом» (IX, 337), либо, как в случае с кометой, «искать толкование в том, кто сотворил свет (природу)» (IX, 337), то есть прибегать к гомилетическому истолкованию на основе библейских текстов. На тот исторический момент, когда выжившие во время Каппельской войны стремились тайком проникнуть в Восточную Швейцарию, а немногочисленные общины, рассеянные по берегам Боденского озера, боялись открыто исповедовать свою веру, публикация натурфилософского сочинения была бы несвоевременной, тем более что ни одно из естественнонаучных творений Гогенгейма тогда еще не было опубликовано. Возможно, он немало написал об увиденной радуге, однако до общественности дошли лишь жалкие крохи. И мы имеем в своем распоряжении только небольшое произведение, скорее напоминающее листовку. Его название звучит так: «Толкование радуги, раскинувшейся через Боденское озеро в 1531 году, каковое знамение упразднило угрозу надвигающейся катастрофы, предвозвещенной кометой в августе». Такого рода тексты хотя и обладали смелыми перспективами, лишь на короткое время заняли место религиозной литературы назидательного характера. Благодаря Реформации рассуждения о свободе христианина можно было слышать повсюду. Поэтому тексты авторов, подобных Гогенгейму, несмотря на то, что публиковались от случая к случаю, распространялись преимущественно из-под полы и часто без особого восторга принимались окружающими. Примечательно, что до потомков дошел только один-единственный экземпляр, сохранившийся в библиотеке процветающего издателя того времени Густава Фрайтага (IX, 20). Оттуда он впоследствии перекочевал в городскую библиотеку Франкфурта-на-Майне. Там его и нашел в 1900 году Карл Зюдхофф, ведущий исследователь творчества Парацельса и издатель его сочинений в нашем столетии. Место печати указано не было, но, по всей вероятности, издание сочинения – дело рук цюрихского печатника Фрошауера.

Что означала радуга для Гогенгейма? Как объяснял он себе ее зарождение, появление на небе, происхождение цветовой гаммы? Что означало это небесное явление в системе апокалиптических предзнаменований?

Для ответа на эти вопросы недостаточно рассмотреть все детали сочинения о радуге. Необходимо также учитывать и остальные произведения нашего автора, хотя можно предположить, что из чувства самозащиты он преднамеренно дистанцировался от естественного, языческого и «саддукейского» истолкования феномена радуги (IX, 407). При этом, как нам представляется, различие между общим учением о радуге, основанном на научных выкладках и разрабатываемом в рамках естественных наук, и истолкованием этой конкретной радуги, овеянной духом пророчества, имеет немаловажное значение.

В точке пересечения указанных выше двух типов объяснений находится поразительная в научном отношении мысль, которая составляет ядро опубликованного «Толкования». Речь идет об особом роде теории гашения. Появление радуги (которую в сочинении автор называет аркой или мирным луком, как будто на общеупотребительное обозначение радуги было наложено табу) означало, что предзнаменование, связанное с кометой, потеряло прежнее значение, «все равно как если бы горящий хворост был потушен водой» (IX, 407). Проще говоря, радуга, раскинувшаяся над Боденским озером, упразднила страхи, связанные с явлением кометы. В своем толковании Гогенгейм обращается к опыту рабочих горнорудной и металлургической промышленности. «Когда дерево сгорает, образуется уголь, который после непродолжитель-

ного мерцания разрушается и превращается в пепел. Пепел же смешивается с землей, которая поглощает его и полностью вбирает его в себя» (I, 407).

Образный язык сочинения Гогенгейма не следует понимать как объяснение причинно-следственной связи и критиковать автора с позиций современного уровня естественно-научного знания. Скорее здесь говорится о взаимосвязи двух символов, толкуемых с точки зрения временного «астрального» соотношения и одновременно с учетом того, что любой верующий понимает под конечной целью всех вещей. «Истинность» этой теории вступает в корреляцию с истинностью и правдивостью двух природных явлений. Ее нельзя рассматривать изолированно. Напротив, указанную теорию необходимо соотносить с человеком и его ощущениями, с коллективом и исторической ситуацией. Только тогда то, что кажется нам подчас наивным, раскроется как выражение мифологического мирозерцания. В отдельных случаях нас, наоборот, поразит точность некоторых наблюдений, свойственная в большей степени следующему столетию.

Для Гогенгейма с его опытом и знаниями, его провидческим и даже пророческим характером, радуга стала образом, полным фантазии, красоты, смысла, и поистине великолепным зрелищем.

В концепциях и дополнениях к произведению «О метеорах», которые были в рукописном варианте представлены Иоганну Хузеру, первому издателю творений Парацельса, мы находим запись, относящуюся к 1589 году, которая, как представляется на первый взгляд, не относится напрямую к основной теме работы: «Рождение и становление радуги подобно рождению женщины» (XIII, 211). В конце сочинения объясняются феномены двойных и тройных радуг, названных в одном месте близнецами. Они сравниваются с двойняшками и тройняшками. Вырываясь за рамки проводимых аналогий, Гогенгейм пишет, что радуга в течение 40 недель развивается невидимо для человеческого зрения из особой «звезды, расположенной под твердью», до тех пор, пока в условиях «мягкой погоды» не пробьет час ее явления миру. Появляется «субтильная и нежная (радуга), которая порой очень быстро распадается». Краткосрочность полноценного периода этого небесного явления Гогенгейм сравнивает с краткостью человеческого существования, и следует заметить, что этот прием нередко встречается в его сочинениях. «Возьмем, к примеру, ребенка и столетнего старика, – пишет он, – неужели кто-либо полагает, что временное расстояние, существующее между ними, поможет кому-то из них избежать смерти?» (XIII, 212). В соответствии с ранними работами Гогенгейма его знаменитый «Парамирум» упоминает также и о «внутренних планетах» человека, находящихся в постоянном вращении, независимо от возраста последнего.

Созерцание радуги было для Гогенгейма не только источником натурфилософских открытий, но и настоящим наслаждением, которое с несвойственной стилю ученого нежностью выражено в его произведении. «Для чего нам потребны глаза и язык? ...Для того чтобы посредством них восхвалялся Бог в своих творениях» (XIII, 212). Далее он сравнивает величие радуги с красотой цветов. В этом сравнении перед нами раскрывается парацельсистское восприятие удивления как начала всякой философии: «Смотрите же, какую прекрасную форму он (Творец) создал для роз и лилий. Эта форма не приносит никакой пользы, но лишь удивляет и поражает зрение» (XIII, 212). Человек рождается зрителем, а становится созерцателем! Здесь нет и следа целевого мышления, свойственного аристотелизму, которое господствовало в натурфилософии вплоть до эпохи Просвещения.

Беря начало из небесного лона, радуга подобна «цветку, который из себя рождает листочки и лепестки». Однако ее «корни» находятся не в земле, а «вверху, так что она должна расти вниз, отталкиваясь от своей почвы, а не стремясь к ней» (XIII, 213). Таким образом, радуга в изображении Гогенгейма предстает как звездное цветоложе. Небесная твердь в зеркальном отображении становится нашим небесным садом, населенным алхимиками и учите-

лями *sui generis*²², а также их помощниками или таинственными пенатами. Последние наделены особыми силами и имеют духовную сущность. Составляя касту небесных художников и поэтов, эти радужные кобольды придают радуге ее алхимическую сущность (XIII, 205). Два или три солнца, появляющиеся порой на небе вместе с радугой, или аналогичное количество лунных светил, зафиксированные в «Саббате» Иоганна Кесслера 27-м февраля 1527 года, также следует считать делом их рук (KS, 243). Пенаты появляются «и употребляют свое умение» (XIII, 193) не только для того, чтобы предсказывать людям погоду, но и, как в случае с Содомом и Гоморрой, указывать на признаки духовного и физического вырождения. Уже в XX столетии представления такого рода были распространены в люцернской долине. Йозеф Цильманн, швейцарский исследователь народных обычаев, указывает, что самым широко известным признаком изменения погоды является артиллерийская пальба, устраиваемая накануне гномами и карликами.²³

В небесной мастерской пенатов было достаточно инструментов, чтобы они могли, к вящему удивлению хронистов, изготовить из меди второе солнце и дополнительную луну. Помимо этого они «окружают солнце и луну ореолом, радугой или другого рода знаменами различных цветов» (XIII, 205). В этой связи нельзя не упомянуть также об особо таинственной лунной радуге.

То, что, согласно этой теории, радуга, с одной стороны, является творением, а с другой стороны, рождается самостоятельно, только кажется противоречием. Используя образный язык, Гогенгейм высвечивает интересующий его феномен, часто рискуя быть неправильно понятым. Все явления материального и духовного миров интересовали его с точки зрения их провиденциального наполнения. Таинственные знаменья, скрытые в них, он воспринимал как предсказание, естественное откровение или знак, имеющий простое практическое значение, что для него, как врача, было особенно важно.

Воспринимаемая как пророческий знак радуга, по библейской традиции, несла в себе весть о мире и согласии. В натурфилософском истолковании она, напротив, «вместе со всеми своими красками представляет не что иное, как соединение серы, соли и ртути» (XIII, 206). В натурфилософском тоне выдержана и следующая заметка Гогенгейма: «Радуга берет свои краски от попавшей в огонь соли и других элементов огня. Помимо красок, получаемых из огненной сущности, радуга не содержит в себе других элементов. Когда вы видите пламя и бросаете туда соль, она окрашивает огонь в зеленый, желтый, голубой, коричневый, красный и другие цвета, не смешивая их друг с другом, но отделяя один от другого. Так же и радуга разделяет цветовые слои, которые она получает с помощью духа соли, скрывающегося в элементах огня» (XIII, 211f).

Какое значение имеет такая объяснительная модель радуги? В противоположность теории Роджера Бэкона, который за три столетия до Гогенгейма справедливо объяснял появление радуги как результат преломления света в каплях воды²⁴, в противоположность мнениям Спинозы и Ньютона²⁵, Гогенгейм считал появление на небе цветовой гаммы не столько физической, сколько химической проблемой. Вместе с тем он был далек от чисто химического изучения феномена радуги, активно включая в свои рассуждения алхимические и магические представления. Он рассматривал радугу не с точки зрения оптики, а, скорее, как таинственное огненное творение кобольдов, изготавливаемое ими на основе трех биохимических и одновременно биоспиритуальных принципах – соли, ртути и серы, которым посвящена книга Гогенгейма, увидевшая свет весной 1531 года. Соль олицетворяла твердую сущность, обладавшую большой

²² Darmstaedter, Ernst: Paracelsische Auffassungen über Farben-Erscheinungen, Acta Paracelsica Heft 5 (1932), S. 126.

²³ Spinoza, Baruch de: Algebraische Berechnung des Regenbogens, Berechnung von Wahrscheinlichkeiten, Hamburg 1982.

²⁴ Betschart, Ildefons: Theophrastus Paracelsus, Der Mensch an der Zeitenwende, Einsiedeln 1941, S. 35f.

²⁵ Darmstaedter a.a.O., S. 122.

сопротивляемостью. Ртуть служила воплощением жидкого и текучего принципа. Сера считалась проявлением огненной природы. Материальными примерами трех алхимических принципов выступали соответственно соль, ртуть и сера, используемые в повседневной жизни. В своей «Книге об образах» Гогенгейм различает шесть цветов: черный, белый, желтый, красный, зеленый и голубой. В другом сочинении он насчитывает уже семь цветов, которые находятся в тесной связи с планетами и металлами, в результате чего выстраивается следующая последовательность: Сатурн – свинец – зеленый; Меркурий – ртуть – желтый; Венера – медь – индиго; Юпитер – олово – голубой; Марс – железо – красный; Луна – серебро – фиолетовый; Солнце – золото – оранжевый.²⁶

Эрнст Дармштедтер в своем исследовании «Взгляд Парацельса на цветовые явления» выдвигает предположение о том, что сведения, содержащиеся в работах Гогенгейма, об изменении цвета пламени были получены им во время экспериментов с различными металлами и их соединениями. Так, зеленый или мареновый оттенок мог быть получен благодаря меди, свинец и сурьма давали бледно-голубой цвет, а поваренная соль (натрий хлор), попадая в огонь, расцветивала пламя желтыми красками. Эти наблюдения, сделанные в алхимической лаборатории, были по аналогии перенесены на радугу.²⁷

О взаимосвязи между парацельсистской алхимией и красками упоминал и Гете в своих «Материалах по истории учения о красках». Представляя в конспективной форме первоначальное учение о ртути, сере и соли, он пишет о том, что Парацельс выводил происхождение красок из свойств серы, «вероятно, потому, что, по мнению знаменитого алхимика, воздействие кислоты на цвет и цветовые явления имело решающее значение, а сера, согласно весьма распространенным представлениям, содержала в себе максимальную концентрацию кислот. Если, следуя означенным рассуждениям, каждый элемент имеет свою долю в сере, понимаемой таинственно и мистически (как первооснова цвета), то процесс возникновения красок в самых различных случаях становится прозрачным и легко объяснимым»²⁸.

Впрочем, о хоть сколько-нибудь законченной теории цветов радуги, разработанной Гогенгеймом, не может идти и речи. В одном случае в основе происхождения цветов лежит принцип соли, в другом возникновение красок выводится из принципа серы. Последний вариант представлен в «Парагрануме» (1530) – важном программном сочинении Гогенгейма: «В сере содержатся желтая, белая, красная, коричневая и черная краски. Каждая краска обладает свойственными ей одной силой и добродетелью. Все прочие вещи, включающие в себя такие краски, помимо своих добродетелей имеют и те, которые хранятся в данных красках» (XIII, 192). Рассуждения Гогенгейма о «добродетели» в данном контексте очень напоминают пассажи некоторых работ Гете²⁹, в которых поэт говорит о морально-нравственном воздействии красок. Гогенгеймовская «добродетель» раскрывает сущность размышлений ученого о красках вообще и о радуге в частности. Гогенгейм пытается выявить логос всех вещей, для того чтобы безошибочно толковать знамения природы и сверхприродного мира, которые мы постоянно наблюдаем в нашей жизни и которыми нередко руководствуемся. Сюда относятся как знамения, являемые глобальным организмом – природой, планетой и макрокосмом, так и те симптомы маленького мира человеческого тела, которые открываются взгляду и ощущениям опытного врача.

В конце октября 1531 года Гогенгейм прекрасно знал, какие из его суждений о радуге будут приняты окружающими, а что следует сохранить в тайне. Общественный страх перед надвигающейся катастрофой вряд ли мог стать благодатной почвой для обсуждения вопросов

²⁶ Goethe, Wolfgang, Sämtliche Werke in 18 Bänden, Zürich 1950, Bd. 16, S. 390.

²⁷ Goethe, a.a.O., S. 206ff.

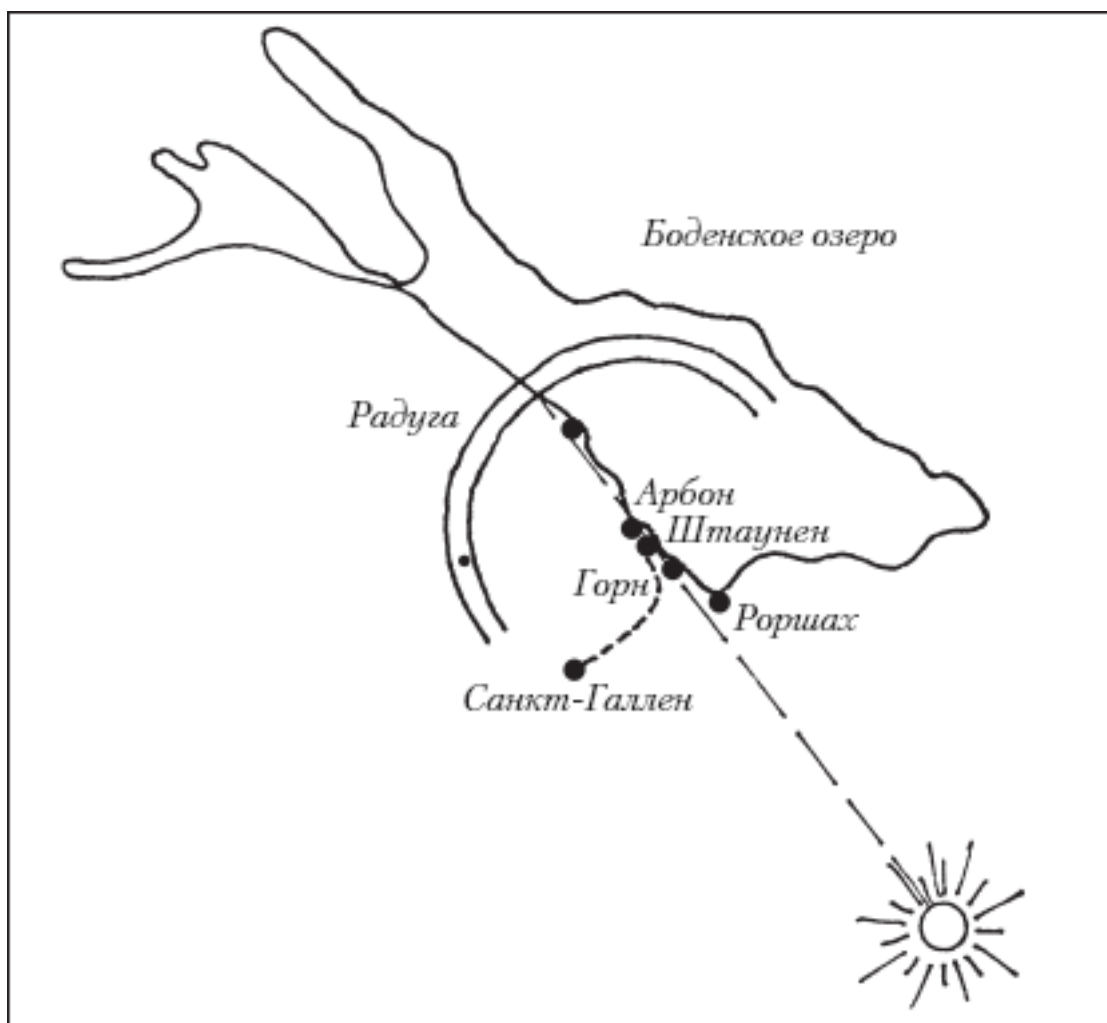
²⁸ Spiess, Johann: Historia von Doktor Johann Fausten, Stuttgart 1960, S. 119f.

²⁹ Goldammer, Kurt: Der göttliche Magier und die Magierin Natur, Stuttgart 1991, S. 18f.

о том, берет ли радуга свое происхождение из серы или из соли, о таинственных изображениях пенатов и о радуге как творении женской природы. Следует сказать, что в теологических работах Гогенгейма начала 1530-х годов и без того появляется немало свидетельств о постепенно увеличивающихся сомнениях автора в необходимости натурфилософских исследований. Так, астрономию он называет «несамодостаточной» дисциплиной, медицина в его представлении распространяет свои милости лишь на избранное число больных, наконец, философия содержит в себе, по словам Гогенгейма, «такое количество язвительной иронии... что воистину стала она моим крестом и будет продолжать мучить меня вплоть до смерти» (II, 3, 169).

То, что Гогенгейм предложил для печати, выполняло в духовном смысле санитарную функцию, способствуя установлению в обществе мира и спокойствия. Трактат смягчал апокалиптические настроения и своим спокойным тоном и выдержанным стилем изложения подрубал основы эсхатологических конструкций. Гогенгейм начинает свое повествование от лица самой радуги, которая, появившись на небе солнечным субботним утром, в подтверждение своих мирных намерений ссылается на соответствующее место в Библии: «Смотрите, чтобы не было ваше бегство зимою или в субботу, говорит Господь... знайте же, что я возвещаю вам лето, которое является лишь подготовкой к зиме». В свою очередь осенью автор рассказывает своим читателям о лете, изображая его как время цветения и созревания, как царство Божье, которое в его работах идентифицируется с блаженной жизнью в новозаветном понимании. Следуя за евангелистами Матфеем (24:29–31) и Марком (13:24–25), Гогенгейм представляет радугу как знак времени, который, будучи истолкованным вне связи с искусством сатанистов, имеет благое и целительное значение. В самом названии произведения о радуге было крупными буквами написано, что это небесное знамение отменяет неурядицы, «которые предвозвестила комета». То, что автор в дальнейшем изложении предостерегал любознательных читателей от попыток астрологического толкования, было скорее выпадом в адрес конкурентов – многочисленных составителей календарей, чем отступлением от своих прежних мыслей. Комета оставила на небе «свой хвост, как если бы она хотела смести с небесной тверди все звезды» (IX, 409). Теперь же «недружелюбное знамение потеряло свое прежнее значение» (IX, 407). Из всего вышесказанного видно, что Гогенгейм в своем сочинении не обещал читателям золотых гор, но просто призывал их к терпению и евангельской жизни.

Это, пожалуй, единственное недвусмысленное толкование значения радуги, которое можно найти у Гогенгейма. Другие попытки ученого осмыслить это небесное явление либо неизвестны, либо овеяны таинственным туманом: «Все знамения покоятся в руке Божией, и коль скоро Господь крепко их держит, никто из нас не может правильно судить о них. Они находятся в постоянном изменении и вследствие этого оставляют астрономов с носом» (XIII, 408).

Реконструкция радуги. 28 октября 1531 года

© Christoph Frauenfelder

По своему целебному воздействию радуга сравнима с лекарством. Вопреки безумному стремлению доктора Фауста, ее квинтэссенцию нельзя потрогать руками.³⁰ «Любое лекарство, принимаемое больным, спиритуально по своей сущности. Попадая в организм, оно сохраняет свою форму, подобно радуге, раскинувшейся по небу, создавая зеркальное изображение» (XI, 209). Именно изображение производит лечебный эффект в соответствии с основными принципами естественной магии.

Врач и пророк – таким предстает Гогенгейм перед нами на восходе солнца, наблюдаемом по обеим сторонам Боденского озера более 460 лет тому назад. Возвышенность духа, призванная, по мысли Канта, напоминать нам о нашем нравственном устройении, и смирение, присущие личности ученого и теолога, выступали на первый план, когда он, оставив в стороне свойственное ему упрямство, устремлялся на помощь людям и умирлял волны охваченного паникой общественного океана. В конце своей работы о радуге он сам скромно именует себя Теофрастом-интерпретатором или попросту толкователем. За год до этого в одном из латинских писем он мягко иронизировал по поводу эпитета «*vates et medicus*» (провидец и врач), которым снабдил его один нюрнбергский доктор, обратившись к адресату с просьбой «любить меня». В «Великой астрономии», изданной в 1537 году, он, глядя на мир с высоты всеобъемлющей космофизики, чрезвычайно высоко оценивает статус врача и пророка: «Разве есть на

³⁰ Sudhoff, Karl: Paracelsus, Ein deutsches Lebensbild aus den Tagen der Renaissance, Leipzig 1936, S. 74.

свете что-нибудь скрытое от подлинного пророка или неизвестное ему? И кого можно поставить превыше доктора? Они словно бы объаты пламенем, и, подобно огню, сверкают они своими трудами» (по XII, 320).

В нравственном понимании врач и пророк выступают защитниками правды и справедливости. Именно в этом смысле в книге «Парамирум», написанной в санкт-галленский период, употребляется образное понятие огня: «Доверять другому человеку можно лишь в той степени, в какой он испытан огнем. Так же и лекарство, не будучи испытано огнем, не способно пробудить в больном веру. Как уже было сказано, из огня рождается врач. Этому учит и алхимия, которую еще называют „спагирия“: она учит отделять ложное от справедливого» (IX, 55).

История – это алхимический процесс постепенного сгорания. Человек, наделенный божественной силой, может совершать великие поступки. Он должен идти вперед и, даже спотыкаясь и падая, всего себя отдавать любимому делу.

Глава II

«Правда в дыре»

Каждый дом имеет свое собственное знание всех природных вещей.
(XIV, 115)

«В 1532 году в этом доме в качестве гостя Варфоломея Шовингера жил знаменитый врач Теофраст фон Гогенгейм, известный как Парацельс». Эти слова можно прочесть на стеклянной витрине, открывающей вход на лестницу роскошного дома преуспевающего санкт-галленского бюргера. На представленном здесь же графическом рисунке изображены двое мужчин: почтенный отец семейства с окладистой бородой и его плешивый гость в зеленом пальто и сапогах. Художник изобразил обоих мужчин в тот момент, когда они сердечножимают друг другу на прощание руки. Если бы Йозеф фон Шеффель, прославивший Санкт-Галлен своим бестселлером «Эккехард» (1855), мог принять участие в составлении памятной надписи под рисунком, то она, по всей видимости, звучала бы следующим образом: «Мы, немцы, любим друг друга»³¹.

То, что до наших дней сохранились памятные надписи, посвященные Парацельсу, можно считать удачей. Аналогичные таблички с именем Гогенгейма есть и в уже знакомом нам прелестном домике в местечке с красноречивым названием Вархайт им Лох («Правда в дыре»), а также на площади святого Галла, расположенной напротив монастырского комплекса. Следы пребывания Гогенгейма на земле настолько призрачны, что вырезанные на деревянной и бронзовой пластинах, и даже якобы достоверные, указания на место его рождения в районе Чертова моста и на так называемый дом Парацельса в баден-вюртембергском Эсслингене вызывают вполне справедливые сомнения и требуют к себе критического отношения.³² В большинстве случаев такие указания действительно имеют определенную связь с биографией Гогенгейма, однако при ближайшем рассмотрении они, как правило, несут в себе иную смысловую и фактическую нагрузку.

Так, например, многие данные подтверждают факт пребывания базельского врача у Кристиана Штудера. Однако 30 декабря 1531 года бургомистр умер. В некрологе, написанном Кесслером, он елейно назван «человеком, который в наше смутное время не щадил себя, усердно исполнял свои обязанности на ниве установления справедливости и всем сердцем любил правду» (KS, 385). В то же время предположение Карла Зюдхоффа о том, что после смерти своего хозяина Гогенгейм переехал к Шовингеру, источники не подтверждают. В этом смысле для нас представляет интерес письмо Бартоломе Шовингера к неизвестному адресату, написанное в более поздний период. В нем отправитель прямо пишет о том, что он «хорошо знал Теофраста, который провел 27 недель в доме моего блаженной памяти тестя»³³. О переезде Гогенгейма в дом Шовингера не сказано ни слова, хотя упоминание об этом было бы самым веским аргументом, подтверждающим тесное личное знакомство врача и предпринимателя.

Однако встреча Гогенгейма с Бартоломе Шовингером и его старшим братом Иеронимом, независимо от многочисленных сомнений относительно времени, места и условий пребывания ученого в Санкт-Галлене, все же зафиксирована в памятной надписи. В этом нет ни малейшего намека на воссоздание картины немецкой мужской идиллии эпохи Ренессанса. Скорее изображение и надпись служат примером тех вступающих в силу передовых ориентиров и моди-

³¹ Meier, Pirmin: Vom feinen Liedlein und dem finstern Grund, Scheffels romantische Weltflucht und das Seetal, Seengen 1986, S. 13.

³² Sudhoff, Paracelsus, Ein deutsches Lebensbild, S. 68.

³³ Sudhoff, Paracelsus-Forschungen II, S. 144.

фицированных ценностей, с помощью которых дух Нового времени должен был изменить мир, отбросив в сторону устаревшие идеи и образ действий реформаторов. Дом, в котором Гогенгейм, не будучи постоянным жильцом, все же нередко сживал в часы досуга, носил название «Вархайт им Лох» («Правда в дыре»), скрывавшее в себе целый ряд таинственных ассоциаций. В средние века в южнонемецких землях кварталы часто называли «Лох». Что же касается слова «Вархайт», то в 1531 году этой части названия дома еще не существовало. Таинственный смысл словосочетания «правда в дыре», относящегося к символическому языку многообразной знаковой системы алхимии, и по сей день остается нераскрытым. В другом смысле название дома Шовингера, возможно, являлось символическим выражением трагического тупика, которым в представлении Гогенгейма являлся Санкт-Галлен. Подобного рода ассоциации могли посетить его сознание перед так называемым кризисом аппенцельского времени, наступившим в 1530-е годы и, с легкой руки Курта Гольдаммера, носящим название «период его величайшей нужды».

Что же представляла собой семья Шовингеров? Согласно исследованиям Виктора Шобингера, Ганс Шовингер, служивший лейб-медиком у аббата Санкт-Галлена и оберфогта Оберберга, имел троих сыновей. Биография каждого из них легко может стать предметом специального изучения.³⁴ Старший Иероним, родившийся в 1489 году, получил хорошее образование и стал булочником. Из-за особенностей своей фигуры со стеатопигийными отложениями в области бедер Иероним получил шутовское прозвище Матушка³⁵. Он с воодушевлением принял Реформацию и в скором времени сделался одним из страстных проповедников нового учения в пригороде Госсау. После изгнания аббата Франца Гайсберга (1529) мы находим его в пещере «санкт-галленского медведя» исполняющим роль первого управляющего опустевшим монастырем. Освободившиеся помещения навели Иеронима на мысль с помощью Гогенгейма разместить в одном из зданий этого величественного историко-архитектурного комплекса Восточной Швейцарии алхимическую лабораторию. Однако известные на сегодняшний день источники не позволяют проследить за тем, как Шовингер пытался реализовать свои намерения.³⁶ 1 марта 1532 года, когда новый аббат Дительм Бларер фон Вартензее торжественно въехал через монастырские ворота, для Иеронима наступил час расплаты. Несмотря на порядок, сохранявшийся в монастыре все это время, и нежную комплекцию, бывший управляющий был подвергнут пыткам. Фактически его сделали козлом отпущения за все преступления санкт-галленских протестантов, и в частности иконоборчество, в котором Иероним участвовал во время своей реформаторской деятельности в Госсау.³⁷ Мы видим, что рекатолизация края была, таким образом, осложнена рядом неприятных моментов. Тем не менее, бургомистр Санкт-Галлена продолжал открыто исповедовать свою веру. Иероним Шовингер, оправившись от пыток, вернулся к своему прежнему делу и до конца своих дней держал хлебопекарню на церковной площади в Госсау. Возможно, он усвоил высказывание Гогенгейма: «Алхимик – это тот же булочник, который также занимается приготовлением хлеба...» (VIII, 181).

Генрих Шовингер был на два года моложе Иеронима и в молодости учился торговому ремеслу у одного купца в городе святого Галла. Затем он покинул Швейцарию и переехал в Мюнхен, где открыл торговлю скобяными товарами. Ко времени пребывания Гогенгейма в Санкт-Галлене Генрих владел уже двумя лавками, расположенными неподалеку от Зендлингских ворот, в месте особенно бойкой торговли. Генрих Шовингер заложил основу для развития международного торгового бизнеса своей семьи. После его ранней смерти скобяные лавки, открытые им в Мюнхене, перешли к младшему брату Бартоломе, который, объединив

³⁴ Schobinger, Viktor: Die Münchner Schobinger im 16. Jahrhundert/Von der Schobingerschen Handelsgesellschaft, Wädenswil 1969, S. 3f.

³⁵ Staerkle, Paul: Geschichte von Gossau, Gossau/SG 1961, S. 145.

³⁶ См. стр. 48. Э.Г. Рюш отчетливо показал, что в основе сведений об «алхимической кухне» лежит неправильный перевод известного места из Рютинера (из его писем).

³⁷ Staerkle, a.a.O., S. 139f.

несколько отраслей торговли в одних руках, стал объектом зависти многих немецких и швейцарских купцов. Фигура Генриха примечательна еще и тем, что, внутренне тяготея к реформационному учению, он ставил свою религиозную принадлежность в зависимость от пользы той или иной конфессии для торговли. Поэтому, оказавшись в католической Баварии, мюнхенская линия Шовингеров, или Шобингеров, как именовали ее представителей в первое время по приезде, приняла католичество.³⁸

Бартоломе Шовингер родился в 1500 году. На портрете, относящемся к 1527 году, он изображен цветущим полным мужчиной с нордически вздернутым носом-картошкой и нежными, блестящими глазами, смотрящими на зрителя из-под полуприкрытых век. В фигуре Бартоломе, как и у его старшего брата, проглядывает что-то женское. Интересно, что проведя анализ костей скелета Гогенгейма, доктор Херманн Абеле также констатировал наличие у знаменитого ученого упомянутого выше феномена.³⁹ Согласно Вадриану, Бартоломе, несмотря на свойственные характеру Гогенгейма угрюмость и необщительность, нередко удавалось увлечь своего ученого друга занимательной беседой. Во время нахождения Гогенгейма в доме санкт-галленского бургомистра, Бартоломе Шовингер был едва ли не единственным его постоянным собеседником, которого отличали обширные знания и многосторонние интересы.

О широте познаний Шовингера свидетельствует его библиотека, которая по подборке и качеству книг, превосходила, пожалуй, все современные ей частные библиотеки на верхненемецком пространстве. В 1545 году Рютинер составил список книг, входивших в это библиотечное собрание, и он стал настоящей находкой для исследователей личности Парацельса. Особую ценность представляет составленная Виктором Шобингером транскрипция, которая включает многочисленные регистры. Мы находим в списке главные работы трех известнейших протестантских медиков Феррары: Никколо Леоничено, Джованни Манарди и Мишеля Савонаролы, у которых одно время учился Гогенгейм. Там же указаны труды знаменитого классика алхимии Арнольда де Вилланова. Без него многие теории Парацельса едва ли получили бы свое развитие. В список включены и «Книга о дистилляции» и «Новая книга о дистилляции» Бруншвига, травники Мацера, Бренфельса и Диоскорида, «Зерцало врача» и «Книга о естественных минеральных источниках» Лаврентия Фриза, друга и гостеприимного хозяина Гогенгейма во время его путешествия по Эльзасу. На книжных полках библиотеки Шовингера нашлось также место и для не принятой современниками книжечки Ульриха фон Гуттена, содержащей сомнительные рекомендации по лечению сифилиса. В библиотеке были хорошо представлены труды по астрономии, среди которых необходимо упомянуть работу о сферах английского исследователя Иоанна де Холивуда из Йоркшира. Разумеется, в библиотеке Шовингера можно было найти произведения классиков медицины от Гиппократов и Галена до Авиценны и Альберта Великого, а также сочинения Аристотеля и Плиния. Обращает на себя внимание наличие в книжном собрании трудов немецких мистиков (Иоганна Таулера) и критических работ некоторых гуманистов (Лоренцо Валлы и Эразма Роттердамского).

Упомянутый портрет 27-летнего Бартоломе снабжен надписью, алхимический характер которой становится очевидным уже из первых строчек, содержащих упоминания о Венере и Меркурии.⁴⁰ По всей вероятности, подобными предметами в Санкт-Галлене интересовались еще до приезда туда Гогенгейма. И все же изучение библиотеки Шовингера с точки зрения ее влияния на Гогенгейма может оказать нам лишь гипотетическую помощь, причем лишь в том случае, если мы ограничимся книгами, которые хозяин приобрел до 1531 года. Какие из этих книг уже были куплены Шовингером на тот момент? Учитывал ли он советы Гогенгейма? Насколько обоснованно предположение о том, что Гогенгейм оставил в библиотеке друга неко-

³⁸ Schobinger, Die Münchner Schobinger, S. 24.

³⁹ Abele, Hermann: Grabdenkmal, Schädel und Abbildungen des Theophrastus Paracelsus, Salzburg 1891, S. 59.

⁴⁰ Schobinger, Die Münchner Schobinger, S. 45.

торые из своих книг, после того как в 1531–1532 годах ему, казалось, опротивели естественные науки? По каждому из этих вопросов мы можем высказывать лишь спекулятивные соображения. Однако никакие знаки вопроса не могут скрыть необыкновенную увлеченность Шовингера проблемами новой науки, даже если сделать предположение, что некоторые книги были приобретены им просто с целью пополнить книжную коллекцию, в которой он видел еще одно вложение капиталов.

В своем письме, адресованном в Вальсхут, где речь идет, в частности, и о Гогенгейме, Шовингер высказывает дифференцированное суждение об алхимии. В тексте, оригинал которого находится в Лейденском собрании рукописей Исаака Восса, «старый Бартоломе Шовингер», как он сам именует себя в конце письма, хвалит своего адресата. «Ваше увлечение алхимией... – пишет купец, – не превратилось в настоящую страсть. В этом вы поступаете верно и благоразумно. Ведь это искусство с самых первых дней своего существования и вплоть до настоящего времени искусило и частью даже погубило многих высокородных и состоятельных мужей»⁴¹. Это предупреждающее замечание является стандартным и характерно для всех настоящих поклонников алхимии. Его смысл становится понятным, если вспомнить серьезные предубеждения относительно алхимии, распространенные как в протестантском, так и в католическом лагерях.

Общая позитивная оценка алхимии в среде ее верных сторонников соседствовала с обязательным предупреждением против злоупотреблений алхимическими методами. Такие предостережения можно встретить и у Гогенгейма. «Что касается интереса, который многие питают к полезному и увлекательному искусству дистилляции, – писал он, – то следует сказать, что с помощью последнего можно из любой материи посредством нагревания и выпаривания получить эссенцию (квинтэссенцию), являющуюся тончайшей субстанцией и заключающую в себе высочайшую силу. Упомянутый метод, равно как и многие другие, способствует поддержанию здоровья людей, помогает получить нужные лекарства для больных, которые, прибегнув к их помощи, скоро выздоравливают. Это настоящее искусство, которое можно открыть лишь самому близкому человеку (который, более движимый любовью к ближним, чем соображениями собственной выгоды, стремится помочь людям)»⁴².

В 1530 году Гогенгейм в своем знаменитом труде «Парагранум», посвященном четырем столпам врачевания, в очередной раз выражает похожее отношение к алхимии: «Не следует подражать тем, которые говорят только о том, что алхимия превращает металлы в золото и серебро. В этом искусстве скрыта великая тайна, смысл которой состоит в лечении болезней. Именно здесь лежат основы алхимии» (VIII, 185).

Именно «тайна», чудодейственные лекарства, рассматриваемые в свете естественного откровения, а вовсе не изготовление золота являются основой алхимии. Ради нее врач не должен жалеть своих сил, поскольку благодаря ей он становится «великим мастером земного света». Учитывая согласие, царившее между Шовингером и Гогенгеймом по ряду принципиальных вопросов, некоторые негативные отзывы Бартоломе о Теофрасте не могут не обращать на себя внимание: «Вероятно, учитель, от которого он узнал это искусство, во многом обманывал его. Он лишь частично открывал ему правду, в то время как основная масса учения так и осталась им не понятой вследствие туманного изъяснения. Это можно было почувствовать в то время, когда он бывал у меня». Вполне правдоподобны замечания Бартоломе о книгах Гогенгейма, «одна часть которых написана темным языком, а другая недоступна, вероятно, пониманию самого автора». Шовингер указывал, что в период между 1570 и 1580 годами «было издано множество книг под его именем, которые Теофраст не только не писал, но даже ни разу не видел в глаза. Ведь мне хорошо известен стиль Теофраста и то, как он имел обыкновение

⁴¹ Sudhoff, Paracelsus-Forschungen II, S. 144.

⁴² Sudhoff, a.a.O.

выражаться на письме». В списке библиотечного собрания, относящемся к 1545 году, упомянута книга под названием «Хирургия Теофраста Парацельса». Написанная ясным языком, она представляет собой одну из главных работ Гогенгейма, опубликованных при его жизни, авторство которой не вызывает сомнений.⁴³

Письмо, написанное Шовингером, свидетельствует о том, что он был хорошо знаком с творчеством Гогенгейма. Бартоломе ссылается на личное знакомство с ученым («когда он бывал у меня») и занимает критическую позицию по отношению к тому, чья посмертная слава через несколько десятилетий достигла необычайных размеров. Однако не только Шовингер давал произведениям Гогенгейма негативную оценку. Труды ученого медика навлекали на себя критику многих заметных фигур европейского интеллектуального бомонда, которые в своих отзывах касались не только проблем, связанных с пониманием текста. Мнение Шовингера, высказанное им в 1531 году, было далеко не единственным. Позже Гогенгейм стал пользоваться дурной славой в среде благочестивых протестантов. Буллингер упрекал Теофраста в недостоверности излагаемых им сведений, а Конрад Геснер даже обвинял его в арианской ереси. Опоринусус, сравнивая Гогенгейма с Иоганном Вейером, гнусно оклеветал его, а Томас Либ, более известный под именем Эраста, опубликовал в 1572 году антипарацельсистский трактат. Последний содержал красочную иллюстрацию с изображением дьявола, а Гогенгейм был назван в нем «хрюкающей свиньей»⁴⁴. В 1553 году Кальвин сжег в Женеве еретического врача, астролога и свободомыслящего богослова Мигеля Сервета. В этой ситуации Бартоломе Шовингер, будучи умным человеком, которому к тому же нередко приходилось путешествовать по торговым делам, не мог позволить себе некритично отзываться о Теофрасте, своем старом знакомом. Одновременно прежние дружеские отношения, которые связывали друзей в более ранний период, могут служить доказательством высокой степени доверия, существовавшего между ними. Несмотря на активные нападки на Гогенгейма со стороны европейских интеллектуалов, очень часто их критика касалась лишь формальных сторон творчества ученого. В качестве примера можно привести Конрада Геснера, который, упоминая о «Теофрасте Бомбасте фон Гогенгейме» в своей «Универсальной библиотеке», пишет о «темных, варварских, страстных и глупых высказываниях и суждениях», подразумевая под этим туманный, искусственный и вдобавок испещренный варваризмами язык произведений Гогенгейма.⁴⁵

Во время пребывания Гогенгейма в Санкт-Галлене его отношения с Бартоломе отличались заметной амбивалентностью. Благодаря приобретенному авторитету крупного купца и уважаемого бюргера, Шовингер сумел продлить срок врачебной практики Гогенгейма в Санкт-Галлене, которая, по решению цехового Совета одиннадцати, или Большого совета, должна была завершиться задолго до истечения ее запланированного срока. Он вообще был едва ли не единственным человеком среди узкого круга людей этого небольшого городка, сталкивавшихся по роду своей деятельности с Гогенгеймом, который замолвил словечко за одного из самых примечательных гостей, когда-либо посещавших его уютное обиталище.⁴⁶ С другой стороны, Бартоломе в разговорах со своим школьным учителем Себастьяном Кунцем не скупился на критику в адрес Гогенгейма. Он называл последнего суетливым человеком и транжирой, жаловался на его расточительность и говорил, что все богатства французского короля не способны удовлетворить потребности ученого. Шовингер отвергал полезность хиромантии, к которой Гогенгейм прибегал во время лечения бургомистра. Он считал досужей выдумкой рассказы о наличии у Гогенгейма собственной библиотеки, находящейся в Мюнхене и отличавшейся

⁴³ Schobinger, Viktor: Quellensammlung zur Geschichte der Schowinger, Teil II, Heft 4, Die Schowinger von St. Gallen, Bartolome Schowingers Bücher 1545, Zürich 1978, S. 191.

⁴⁴ Sudhoff, Paracelsus-Forschungen II, S. 44f.

⁴⁵ Blaser, Robert-Henri: Paracelsus in Basel, Muttentz 1979, S. 67.

⁴⁶ Rütiner, Johannes: Diarium, Bd. II, Fol. 25 v bis 26r.

великолепной подборкой книг.⁴⁷ Учитывая двойственное отношение Шовингера к Гогенгейму, предположение, будто он настаивал на более продолжительном пребывании ученого в Санкт-Галлене, представляется маловероятным.

Знакомство Теофраста фон Гогенгейма с Бартоломе Шовингером с полным правом можно называть знаменательной встречей двух выдающихся мужей, которые по своим интересам, уму и талантам далеко превосходили многих своих соотечественников, но которые, вопреки возможным ожиданиям, так и не сумели понять друг друга. Они целиком сходились во мнениях по многим вопросам алхимии и единодушно выступали за реформу закоснелой книжной медицины. Оба упражнялись в толковании знамений времени, однако каждый делал это исходя из своих собственных позиций и перспектив.

Один был врачом, алхимиком и христианином единой, неразделенной церкви, другой – прекрасно образованным, преуспевающим купцом, который полностью отдавал себе отчет в том, что дух новой эпохи несет на себе отпечаток ценности научного знания. Отличаясь к тому же прагматичностью и трезвым умом, Бартоломе жил сегодняшним днем и был далек от стремления стореть в пламени научного исследования, перспективы которого виделись ему туманными и неразборчивыми. В свою очередь, профессиональная деятельность Шовингера, стремительный рост его благосостояния и ценность его «купеческого сокровища» (II, 3, 169) не находили одобрения или, на худой конец, понимания у Гогенгейма, для которого любой купец однозначно принадлежал к «небратскому сословию» (PS, 130).

Бартоломе никогда серьезно не размышлял об эсхатологических и апокалиптических перспективах своего времени. Мысли об этом не посещали его даже в тревожный октябрь 1531 года, когда тяжелый пресс истории в мгновение ока раздавил сочные виноградины Реформации, казалось выжав из них последние капли сока. Даже в этот трагический период в семействе Шовингеров, как и в немногих других протестантских фамилиях, царили оживление и радость. В те ужасные дни, когда по Швейцарии разнеслась печальная весть о поражении протестантских сил в Каппельской войне и под Губелем; когда Гогенгейм ломал голову над пророческим значением землетрясения, случившегося 10 октября, проживавший в Мюнхене брат Бартоломе Генрих сделал удачное приобретение, которое имело значение для будущего престижа всего клана Шовингеров. 14 октября король Фердинанд подписал грамоту, предоставлявшую братьям Шовингерам право иметь собственный герб. На желтом фоне на гербе была изображена горlinka. Герб украшали два «бутафорских рожка» с торчащими из них красными и желтыми перьями павлина.⁴⁸ Такая удача была счастливым знаком для всех Шовингеров, и в частности для Бартоломе!

По сравнению с доктором зять его пациента был настоящим счастливчиком. Две линии жизни, пересекшиеся в Санкт-Галлене, далее расходились в противоположных направлениях. Поразительно, что при всем различии наклонностей и темпераментов, оба просвещенных мужа считали, что распространенное в народе мнение, будто алхимия в основном занимается изготовлением золота, содержит древнюю и, возможно, скрытую и вытесненную истину. «Правду в дыре»!

Если верить народным преданиям, Гогенгейм получил в «темных лесах» Айнзидельна имя Парацельса, а вдобавок к этому стал называться еще и Растером, демоническим изготовителем золота. По коварству и вероломству его сравнивали с Румпельштильцхеном, а по преданности дьяволу с доктором Фаустом. В набалдашнике рукоятки своего меча он хранил таинственный порошок и там же прятал камень мудрости. От Базеля до Нюрнберга, от Инсбрука до Вены и даже в далеком Зибенбюргене люди передавали друг другу истории о Гогенгейме,

⁴⁷ См. приложение «забытое место из дневника Рютинера», с. 463 (приложение к третьему изданию). Rütiner, Diarium, I, fol 84v. Mitgeteilt von E.G. Rüsch.

⁴⁸ Schobinger, Die Münchner Schobinger, S. 6.

познавшем тайну изготовления золота.⁴⁹ Путь на Клаузенберг был неблизким. Рассказы о «золотом мире» Парацельса, плод народной фантазии, неслись семимильными шагами и, как правило, обгоняли своего героя, достигая самых отдаленных земель. Никто даже не догадывался, что истина скрывается гораздо ближе.

Если отождествлять алхимию с изготовлением золота и считать ее искусством, занятием которым обеспечивают человеку счастливое, здоровое и долгое существование, то можно сказать, что Бартоломе Шовингер сумел в течение своей земной жизни сделать многое из того, что простой народ приписывал Парацельсу. Это подтверждают уже не предания, а документы, извлеченные из архива Виктором Шобингером, изучавшим семейную историю. Если мы взглянем на постепенный рост благосостояния Бартоломе, то перед нами предстанет человек, которого Мельхиор Гольдаст фон Хаймисфельд (1576–1635), историк и путешественник из Восточной Швейцарии называл позже «самым богатым философом»⁵⁰. Свою первую торговую операцию Бартоломе совершил в 1522 году, осуществив поставку гвоздей и воска в санкт-галленскую церковь святого Лоренцо. На тот год его имущество составляло 498 гульденов. Этот стартовый капитал 22-летнего предпринимателя равнялся десятикратному годовому доходу оберфогта аббатства. К 1531 году имущество Шовингера увеличилось в шесть раз, а в 1541 году, ознаменованном смертью Гогенгейма, состояние купца в денежном эквиваленте достигло 8800 гульденов. Документы, относящиеся к 1560 году, сообщают нам о сумме в 42 400 гульденов, а в 1585 году частное имущество 85-летнего Шовингера, которого многие за глаза называли швейцарским Крезом, перевалило за 104 000 гульденов. К этому времени общий капитал торгового дома Шовингеров составлял 235 000 гульденов, а некоторые данные позволяют даже немного увеличить указанную сумму.⁵¹ Кроме главных контор, расположенных в Санкт-Галлене и Мюнхене, Шовингеры имели торговые представительства в Лионе, Вене, Антверпене и Милане. Торговля велась по самым различным направлениям, однако приоритетными видами продукции являлись изделия из металла и текстильные товары. Кроме того, на первом плане находились также разработки серебряных рудников. Среди торговых партнеров Шовингеров наиболее часто упоминаются Фугтеры. Владевшие состоянием в 4 750 000 гульденов, Фугтеры справедливо считались миллиардерами своей эпохи. От них зависели финансовые судьбы императоров, королей, князей и пап.

По сравнению с Фугтерами Шовингер при всей динамичности своей торговой деятельности, связанной с постоянными разъездами, был скромным мультимиллионером, жизнь которого практически не нашла отражения в мировой истории. Он не совершал экстравагантных поступков, а его научные и мировоззренческие интересы не выходили за рамки обычных гуманистических штудий. Два замка, один из которых располагался на берегу Боденского озера, были приобретены Бартоломе в пору расцвета его купеческой карьеры и после смерти предпринимателя отошли к его удачливым сыновьям. Он был женат три раза и имел от трех жен 20 детей, из которых выжила только половина. Большинство сыновей Бартоломе влились в семейный бизнес и трудились, в частности, на горных разработках в Чехии. Тобиас, бывший крестником Иоганна Кесслера, отправился в Италию, Францию и Нидерланды для изучения языка и «обычаев» этих стран.⁵² Шовингер так и не приобрел дворянского титула. Всю свою жизнь он вообще держался в стороне от политических интриг, а также социальных и религиозных смут, связанных с Реформацией. «Бог благословил его земным богатством, – писал о Бартоломе его благодарный внук Иеремия Шовингер, – его состояние было приобретено в результате неимоверных трудов и неустанного усердия, с которым он принимался за любые

⁴⁹ Betschart, Ildefons: Paracelsus in der Sage, Atlantis 9, 1941, S. 493f.

⁵⁰ Schobinger, Die Münchner Schobinger, S. 37.

⁵¹ A.a.O., S. 52.

⁵² A.a.O., S. 46.

предприятия и, рано или поздно, обязательно доводит дело до конца»⁵³. Бартоломе Шовингер может служить примером раннего капиталиста, как будто нарочно вырезанного из бессмертного труда Макса Вебера.⁵⁴

В этой связи нельзя не упомянуть о смелой монографии Ганса Кристофа Бинсвангера «Золото и магия – истолкование и критика современной экономики», которая имеет несколько спорный характер. Автор выдвигает тезис о том, что современная капиталистическая экономика представляет собой секуляризованную (обмирщенную) форму великой мистерии, своего рода «продолжение алхимического искусства с помощью других средств»⁵⁵. Это предположение основывается, в частности, на том, что алхимики жертвовали собой ради своего дела и работали не жалея своих сил. Алхимический принцип *plus ultra* («все время вперед») Бинсвангер истолковывает применительно к безостановочному процессу современной экономики, в основе которой лежат непрерывный рост производства, нечеловеческие усилия и предпочтение количества качеству. Соответствующим образом толкуя «Фауста» Гете, автор вводит три парацельсистских принципа во внутреннюю структуру современной экономики. При этом ртуть отождествляется с принципом банковских операций и бумажных денег, сера являет собой принцип инвестиций, а соль отвечает за реальный капитал, или, другими словами, совокупную сумму средств производства, кораблей, машин, а также таких объектов инфраструктуры, как здания, дамбы, шоссе и каналы. Сущность современной экономики, определяемой как секуляризованный алхимический процесс, заключается в возможности «озолотить» весь мир, в умении из всего извлекать прибыль.⁵⁶

Разумеется, подобное толкование алхимии было чуждо как Шовингеру, так и Гогенгейму. Наоборот, они были единомышленны в том, что великая мистерия не должна служить инструментом обогащения. Тем не менее, теоретическая модель Бинсвангера хотя бы на один шаг приближает нас к пониманию того, из каких недр возрос дух новой эпохи, характерной чертой которой стало непрерывное умножение капитала. Дистанция, образовавшаяся между Шовингером и Гогенгеймом, служит тому ярким, хотя и не однозначным примером.

Вопреки всем историям об изготовлении им золота, бедность, эта «лживая шляха» (II, 2, 314), следовала за Гогенгеймом по пятам в течение всей его жизни. Бедность приобрела в мировоззрении Гогенгейма экзистенциальную сущность и стала частью его жизненной философии: «Блажен и присноблажен тот человек, которого Бог благословил бедностью». (PS, 261). Бедность врача, сопряженная с его «благочестием» (IX, 562) и постоянным странничеством, по прошествии нескольких поколений оказалась неразрывно связанной с образом Парацельса, созданным им самим.

В отличие от сыновей Шовингера, унаследовавших от своего отца шестизначные суммы, «ближайшие друзья» Гогенгейма «в Айнзидельне в Швейцарии» получили в память о нем «десять гульденов в монетах». Большая часть наследства, за исключением накладных расходов и «посмертного побора», отошедшего по праву мертвой руки аббату в Айнзидельне, досталась «бедным нищим, жалким людям, не имеющим за душой ни гроша»⁵⁷.

Богатство Бартоломе Шовингера и процветание его семейного предприятия, даже в масштабах Швейцарского союза, не уникальное явление. Так, например, торговые общества Диесбах-Ватт в Берне или Клаузера в Люцерне могли похвастаться не меньшими, а то и большими успехами. На этом фоне наш интерес вызывают не столько регулярные известия о постепенном росте состояния Бартоломе, сколько запись, сделанная горожанином Цюриха Конрадом Гес-

⁵³ A.a.O., S. 45.

⁵⁴ Weber, Max: Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus, Frankfurt 1910.

⁵⁵ Binswanger, Hans Christoph: Geld und Magie, Deutung und Kritik der modernen Wirtschaft, Stuttgart 1985, S. 50.

⁵⁶ A.a.O., S. 58f.

⁵⁷ Netzhammer, Raymund: Theophrastus Paracelsus, Das Wissenswerteste über dessen Leben, Lehre und Schriften, Einsiedeln 1901, S. 165.

нером о Гогенгейме, который, согласно посвященной ему краткой статье Лексикона, будучи одно время профессором в Базеле, получил в 1545 году в качестве оплаты за свои труды немалую сумму (*amplum stipendium*). Это материальное вознаграждение ставило ученого-эрудита, привыкшего надрываться за ничтожные гонорары, на одну доску с именитыми профессорами того времени.⁵⁸

Действительно, проживая в Базеле и исполняя обязанности городского врача и профессора, Гогенгейм получал приличное жалование. Его годовой доход равнялся 60 гульденам, из которых ему за удержанием четверти суммы было выплачено 45 гульденов. Однако, даже если признать верными данные городского хрониста о более высоких доходах Гогенгейма, денежные возможности последнего были весьма ограничены.⁵⁹ Размер его регулярных отчислений богатому канонику Корнелию фон Лихтенфельсу был в судебном порядке сведен к шести гульденам. Из своих личных доходов Гогенгейм выплачивал жалование слуге и оплачивал работу писца. Немалая часть денег уходила на содержание лаборатории, лошадей, а также квартиру и стол. Отличаясь известной экстравагантностью, он, помимо прочего, никогда не стирал свою одежду, предпочитая, когда она становилась непригодной для носки, покупать новое платье.⁶⁰

Мы практически ничего не знаем о доходах Гогенгейма в Санкт-Галлене. Кроме Штудера он, по всей видимости, курировал еще двух пациентов. Однако цеховые ограничения связывали врача по рукам и ногам, препятствуя развитию свободной деятельности. Пауль Штеркле и Вернер Фоглер обнаружили в городском архиве Санкт-Галлена сведения о получении Гогенгеймом гонорара за лечение некоего монаха. Согласно документам, проливающим свет на распределение финансовых средств аббатства, четыре с половиной гульдена были выплачены «доктору Теофрасту за Хансена». Возможно, под упомянутым в документе Хансеном имеется в виду мюнстерский проповедник Иоганн Хесс. Для исследователя этот документ представляет собой настоящую головоломку, главным образом из-за даты его составления (17 декабря 1533 года). Указание на полученный гонорар служит единственным свидетельством медицинских успехов Гогенгейма во время его пребывания в Санкт-Галлене. По всей видимости, Иоганн Хесс был серьезно болен. Гонорар в четыре с половиной гульдена наводит на мысль о четырех или пяти основательных консультациях при условии, что он начислялся на тех же основаниях, что и при Иоганне Рюссе из Констанца, прежнем враче аббатства. Последний работал в монастыре до 1529 года и именовался, так же как и Гогенгейм, доктором обоих видов медицины. За один день напряженной работы с больным Рюсс получал один гульден и вдобавок натуральное вознаграждение, например вино, хлеб и т. д.⁶¹ О том, что лечение отца Иоганна Хесса закончилось успешно, свидетельствует известие о его смерти, наступившей намного позже, в день памяти волхвов в 1545 году.

По данным источников, находясь в Восточной Швейцарии, Гогенгейм не мог позволить себе содержать слугу или писца. По крайней мере, у нас нет ни одного документа, содержащего упоминание об обслуживающем персонале. Все это говорит о том, что условия жизни Гогенгейма в Санкт-Галлене отличались от базельских в худшую сторону.

Что было бы, если бы он, утвердившись в должности городского врача и профессора, остался в Базеле?! Что бы случилось, если бы его после 10 месяцев пребывания в городе не вынудили бежать оттуда?! Возможно, тогда Гогенгейм стал бы настоящим реформатором медицины и не испытывал бы в течение жизни материальных затруднений. Однако даже в этом случае для того, чтобы сравняться со своим другом Шовингером по количеству заработанных денег, Гогенгейм должен был бы работать городским врачом в Базеле 1733 года и 4 месяца.

⁵⁸ Blaser, Paracelsus in Basel, S. 67.

⁵⁹ Blaser, a.a.O., S. 113.

⁶⁰ См. примечание 2 к гл. «Радуга на восходе солнца».

⁶¹ Staerkle, Paul: Die Leibärzte der Fürststäbte von St. Gallen, Rorschacher Neujahrsblätter, 57. Jahrg. (1967), S. 76. Vogler, Werner: Ein neues Dokument zum Aufenthalt von Paracelsus in St. Gallen im Jahre 1533, Nova Acta Paracelsica, Neue Folge 3 (1988), S. 32f.

Смерть не пришла за Шовингером в хорошо знакомый нам дом. Он умер в своем поместье, находящемся в пригороде Санкт-Галлена. В отличие от своего тестя, члена ткацкого цеха, он пополнил число знатных нотаблей, к которым принадлежал также и Вадан. Городской хронист Рютинер рисует Шовингера человеком, сведущим в вопросах алхимии и астрологии.⁶² За глаза ему приписывали способность делать золото. А почему бы и нет? Как рассказывают многочисленные истории, в алхимии, помимо прочих таинственных практик, была разработана одна из самых ранних техник очистки золота. Стремительный рост доходов того или иного человека ассоциировался в народном сознании с его занятиями алхимией. Слава преуспевающего алхимика волочилась как за Бартоломе, заработавшим свое состояние честным путем, так и за французской четой Николасом и Пернель Фламель. Эта семейная парочка пыталась, выставив на обозрение свое увлечение алхимией, скрыть основной источник принадлежащего им огромного богатства, нажитого за счет преследования иудеев и постыдных занятий ростовщичеством.⁶³ В соответствии с принципами бюргерской морали Шовингер Бартоломе отдавал себе отчет в сомнительной природе этого искусства. В этом смысле он напоминал Иоганна Фишарта, который, изображая работу алхимика в сатирической манере, в то же время сам писал алхимические трактаты.⁶⁴ Так, в сознании ранней буржуазии постоянное увеличение состояния, привлекая внешним блеском, по-прежнему еще вызывало тревожные сомнения.

⁶² Rütiner, *Diarium*, I, fol. 133.

⁶³ Schmieder, K.Ch.: *Geschichte der Alchemie*, Halle 1832, S. 190ff. Hinweis von Joachim Telle, Stuttgart.

⁶⁴ Sudhoff, *Paracelsus-Forschungen* II, S. 145.

Глава III

Низменность – излюбленное место обитания дождевых червей

Кесслер и Рютинер жили как две души в одном теле.
Вадриан

Не сукном единым живет владелец ткацкого цеха, но также и гуманистической латынью. Это высказывание, которое нельзя приписать только лишь высокомерию и тщеславию предпринимателей того времени, кипевших желанием продемонстрировать свою образованность, подтверждается примером старшего товарища Бартоломе Шовингера, Иоганна Рютинера, имя которого легким эхом раздается в залах музея Санкт-Галленского Ренессанса. Старейшина ткацкого цеха с 1534 года и член городского совета с 1549 года, он вел регулярный дневник, так называемый диариум, который особенно часто цитируется в исследованиях, посвященных Вадриану. Вычищенная, надежно верифицированная транскрипция этого с трудом разбираемого текста, насчитывающего сотни страниц, принадлежит Эрнсту Герхарду Рюшу, который впервые осуществил научную обработку дневника Рютинера. Хочется выразить надежду, что этот уникальный источник, имеющий огромное историко-культурное значение, в скором времени увидит свет.

Непонятно, как в голове мастодонта ткацкого дела могла родиться идея вести дневник, в котором нашли отражение размышления и события, далекие от деловой жизни фабриканта. Неясно, почему языком диариума стала академическая латынь, которая, несмотря на все старания автора, весьма неохотно и угловато ложилась на страницы его дневника. На этом наши вопросы и недоумения не заканчиваются. Удивление вызывают еще два обстоятельства: почему сведения о пребывании Гогенгейма в городе были добавлены позднее и насколько они достоверны?

Трудно переоценить роль торговли сукном в развитии политических отношений и формировании тех слоев общества, которые не были связаны с клерикальными группами. Это особенно характерно для Санкт-Галлена и Аппенцелля в XV и XVI веках. В данном случае речь идет об общеевропейской тенденции, создававшей особую атмосферу свободлюбивых стремлений в Европе, в особенности на верхненемецком пространстве. В Санкт-Галлене и примыкающих к нему окрестностях Аппенцелля развитие сукноделия и торговли, установление политической независимости (не без отдельных рецидивов) и повышение уровня образования населения шли стремительно.⁶⁵ Производство сукна, переживавшее в XIV веке настоящий период расцвета, повлекло за собой массовое переселение в город жителей Аппенцелля, Торгау и Тоггенберга. Возросшее влияние торгово-ремесленных слоев в результате привело к тому, что республиканская партия города изрядно потеснила позиции аристократической политической группировки, идейный генератор которой, по общему мнению, находился за стенами аббатства. Отношения между городом и монастырем стали еще более напряженными, что на столетие наложило на историю восточношвейцарской метрополии отпечаток не менее сильный, чем реформационные события.

Торговля сукном, принявшая к тому времени международные масштабы, базировалась главным образом на децентрализованном способе производства (надомная работа, распространная, к примеру, в Аппенцелле). При этом она требовала знаний языка, особенностей тогдашней бухгалтерии, ведения документации и, не в последнюю очередь, способности реа-

⁶⁵ Staerckle, Paul: Die spätmittelalterlichen Bildungsverhältnisse Appenzells, Appenzel 1944, S. 4.

листично оценивать политическую ситуацию на южнонемецком пространстве, и прежде всего в Швейцарии. Это, в свою очередь, повышало востребованность фундированного общего образования.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в начале 20-х годов XVI века мы, прогуливаясь по коридорам святого святого Базельского университета, могли бы встретить там двух вполне заурядных бюргеров – шорника Кесслера и сукнодела Рютинера. Вершиной их образовательной программы была встреча с королем гуманистов Эразмом Роттердамским, когда тот, в своем всегдашнем голубом, отороченном мехом сюртуке, излагал ученые мысли. «Тогда я лично встретился с ним», – записал Иоганн Кесслер. Кроме Базеля он побывал в Виттенберге, где ел за одним столом с Лютером.⁶⁶ В последние годы своей жизни Кесслер в силу убеждений стал активным протестантским проповедником.

Во время летнего семестра 1522 года Рютинер дышал бодрящим воздухом высшей школы Базеля.⁶⁷ Пребывание в этом городе можно смело назвать интереснейшим временем в его жизни. Иоганн Околампад, поздний покровитель и меценат Гогенгейма, предпочитал читать богословские лекции на немецком языке. В остальном же на преподавательском составе университета в те годы лежал ярко выраженный консервативно-схоластический отпечаток. Однако в любом случае университет давал своим студентам хорошее, качественное образование. Среди бюргерского населения Швейцарии XVI века оно ценилось чрезвычайно высоко. Всеобщим признанием и уважением высшее образование стало пользоваться во многом благодаря Вадриану, который после своего пребывания в должности ректора Венского университета и возвращения на родину поднял авторитет образования в бюргерском Санкт-Галлене на небывалую до той поры высоту. Эта тема звучит в произведениях Рютинера и Кесслера. Они увековечили в своих писательских опусах те ощущения, которые были свойственны представителям прогрессивного бюргерства, имевшим счастье жить в одно время с Вадрианом. Фоном для метких и ярких высказываний служат разговоры и беседы в тесном кругу цеховых мастеров, которые имели обыкновение ежедневно собираться за столом в обеденное время, а в чрезвычайных случаях и по вечерам. Бернхард Милт называет произведения Рютинера «ежедневником застольных бесед завсегдатаев, в котором нередко встречаются описания городских сплетен»⁶⁸. Общую некритическую позицию сукнодела подтверждает и другой исследователь творчества Рютинера Эрнст Герхард Рюш. Однако все это вовсе не принижает значения дневника как важного исторического источника.⁶⁹ Любопытными особенностями диариума являются зависимость практически всех оценок и высказываний Рютинера по тому или иному поводу от Вадриана, а также большое количество мелких деталей и замечаний, связанных с рядом незначительных посторонних событий. Читая дневник, мы знакомимся с множеством людей, узнаем подробности цеховой и экономической жизни. На страницах диариума нередко встречаются метеорологические заметки и политические наблюдения, имеющие отношение как к локальной, так и к большой политике. К примеру, Рютинер описывает в своем дневнике изгнание герцога Ульриха из Вюртемберга.

Упоминания о Гогенгейме, содержащиеся в дневнике, относятся к двум разным периодам. Первая пространная запись была сделана Рютинером спустя три года после самого продолжительного пребывания доктора в Санкт-Галлене, а вторая – спустя девять месяцев после последнего посещения города Гогенгеймом. В марте 1537 года в дневнике появляется первое описание обстоятельств пребывания Гогенгейма в городе. То, что сведения о знаменитом докторе относятся именно к указанному времени, не случайно, поскольку именно с конца 30-

⁶⁶ Staerkle, Beiträge zur spätmittelalterlichen Bildungsgeschichte von St. Gallen, S. 121.

⁶⁷ A.a.O., S. 281.

⁶⁸ Milt, Bernhard: Vadian als Arzt, St. Gallen 1959, S. 137.

⁶⁹ Persönliche Mitteilung.

х годов странствующий доктор становится известным и его признает ученая публика. В это время были изданы «Большая хирургия» и – что особенно важно для Санкт-Галлена – трактат о купальнях. Имя Парацельса уже не могло остаться незаметным. Кроме позднейших добавлений у нас есть сообщение о нем, полученное из первых рук. Гарантом его подлинности является Каспар Тишмахер, непосредственный противник Гогенгейма, резко критиковавший практикуемое врачом лечение дождевыми червями.

Лечение дождевыми червями

Рютинер пишет: «В то время, когда Теофраст Парацельс лечил Кристиана Штудера, он следил также и за лечением сына Каспара Тишмахера, который ненароком повредил руку. Он произвел операцию с извлечением кости, вследствие чего рука стала скрюченной и опухла. Тишмахер собирался обвинить его перед коллегией врачей. Он (Гогенгейм) пришел в ярость и с бранью обрушился на специалистов в области хирургии, назвав их говнюками (*Contempsit eos nominando arskratzer*). Тогда Тишмахер обратился в городской совет. Он следил за лечением управляющего Бартоломе Шовингера, находившегося при дворе аббата (*culinam fecit in aula*). В этой связи Бартоломе потребовал, чтобы он (Тишмахер) потерпел со своим прошением еще две недели. Наконец он выступил с жалобой перед Советом Трех (бургомистр, старый бургомистр и имперский фогт). Однако никто из членов совета не стал рассматривать вопрос заранее. В конце концов, он изложил существо дела заместителю бургомистра Андреа Мюллеру. Тогда он (Гогенгейм) приказал, чтобы юноша на одну ночь сделал повязку из живых дождевых червей. На третий день молодой человек полностью исцелился» (переработанный перевод с издания Э.Г. Рюша).⁷⁰

Ничего, кроме гнева! В Санкт-Галлене, в окружении недалеких и сумасбродных пациентов, нельзя было и мечтать о плодотворной и спокойной работе. Какой врач не сталкивался с такого рода пациентами и их родственниками, которые готовы вытянуть из него все нервы, если лечение затягивается хотя бы на один день? Они сразу же бегут к Понтию Пилату и обивают пороги всевозможных инстанций вместо того, чтобы набраться терпения и предоставить лечение природе и врачебному искусству.

Однако по сравнению с остальными «сюрпризами» Фемиды этот процесс выглядит довольно безобидным. Предыдущий судебный процесс в Базеле, проигранный Гогенгеймом, лишил его места городского врача. Впрочем, причиной принудительного закрытия медицинской практики Гогенгейма в городе стало не столько поражение сумасбродного врача в суде, сколько его «злобные замечания»⁷¹, исполненные самых разных ругательств, которыми он щедро одарил членов городского магистрата. Вообще-то, изучая жизнь Гогенгейма, невозможно удержаться от несколько запоздалого пожелания: ради Господа и Пресвятой Девы ему следовало бы знать меру в употреблении бранных выражений.

Знаменитое «говнюки» имело у Гогенгейма весьма широкую область применения. Он не раз прибегал к этому термину при характеристике хирургов в написанном им во время пребывания в Базеле хирургическом сочинении «Бертеонея» (VI, 195). Манера Гогенгейма часто употреблять это одиозное выражение могла расцениваться как неприкрытое оскорбление. Вспоминая о знаменитых парацельсовских «говнюках», нельзя не упомянуть о не менее известном ругательстве «кастрат», которое благодаря исследованию Карла-Хайнца Вайманна обеспечило Гогенгейму не последнее место в истории формирования немецкого языка.⁷²

⁷⁰ Rütiner, Diarium, II, 25v his 26r.

⁷¹ Blaser, Paracelsus in Basel, S. 60.

⁷² Wiemann, Karl-Heinz: Die deutsche medizinische Fachsprache des Paracelsus, Diss. Masch. schr., Erlangen 1951, S. 336.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.